

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение
высшего образования

«Тюменский государственный университет»

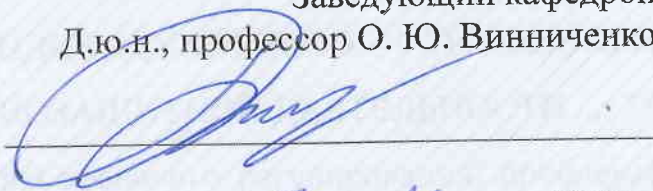
Институт государства и права

Кафедра теоретических и публично-правовых дисциплин

РЕКОМЕНДОВАНО К ЗАЩИТЕ
В ГЭК

Заведующий кафедрой

Д.ю.н., профессор О. Ю. Винниченко

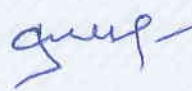

«08» 12 2022 г.

ВЫПУСКНАЯ КВАЛИФИКАЦИОННАЯ РАБОТА
магистра

ПРАВОТОЛКОВАНИЕ И ИНДИВИДУАЛЬНОЕ ПРАВОВОЕ
РЕГУЛИРОВАНИЕ И ИХ ВЛИЯНИЕ НА ПРАВООЩИТНУЮ
ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

Выполнил работу
студент 3 курса
заочной формы обучения

Спирин
Константин
Олегович

Научный руководитель
доктор юридических наук,
профессор

Марочкин
Сергей
Юрьевич

Рецензент
юрисконсульт правового отдела
УМВД России по Тюменской области

Томилова
Александра
Сергеевна

Тюмень
2022

ОГЛАВЛЕНИЕ

ПЕРЕЧЕНЬ СОКРАЩЕНИЙ И ОБОЗНАЧЕНИЙ	3
ВВЕДЕНИЕ	4
ГЛАВА 1. ПРАВОИНТЕРПРЕТАЦИОННАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ СУБЪЕКТОВ ПРАВООЩИТНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ.....	8
1.1. Понятие и сущность правоинтерпретационной деятельности	8
1.2. Виды и субъекты толкования права	10
1.3. Толкование права высшими судами судебной системы Российской Федерации и его значение для правозащитной деятельности.....	19
ГЛАВА 2. МЕХАНИЗМ ИНДИВИДУАЛЬНОГО ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ В ОБЛАСТИ ПРАВООЩИТНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ	35
§ 1. Понятие и стадии индивидуального правового регулирования, проблемы реализации механизма правового регулирования в судебной деятельности	35
§ 2. Адвокатская деятельность и ее значение в правозащитной деятельности ..	47
§ 3. Правоохранительная и правозащитная деятельность: государственные и негосударственные субъекты.....	55
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	60
БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК	63

ПЕРЕЧЕНЬ СОКРАЩЕНИЙ И ОБОЗНАЧЕНИЙ

АПК РФ	–	Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации
ВС РФ	–	Верховный Суд Российской Федерации
ВАС РФ	–	Высший Арбитражный Суд Российской Федерации
ГК РФ	–	Гражданский кодекс Российской Федерации
ГПК РФ	–	Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации
ЕСПЧ	–	Европейский Суд по правам человека
КАС РФ	–	Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации
КоАП РФ		Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях
КС РФ	–	Конституционный Суд Российской Федерации
РФ	–	Российская Федерация
УПК РФ	–	Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность исследования. Потребность в толковании (интерпретации) права возникает в различных правовых ситуациях, требующих разъяснений точного смысла и содержания норм права как в ходе законотворческой (правотворческой), так и в ходе правоприменительной деятельности, однако этим не ограничивается.

Нормативные установления, представляя собой форму универсального регулятора правовых отношений, рассчитанные на их неоднократное применение, зачастую не всегда способны адекватно отвечать на стремительное развитие общественных отношений и эффективно способствовать разрешению правовых ситуаций сами по себе.

Именно в ходе осуществления юридической деятельности нормы права обретают актуализированный, соответствующий современным потребностям правоприменения смысл, что достигается субъектами толкования применительно к реализации механизма индивидуального правового регулирования.

Представляется, что проблема интерпретации права в особенности остро проявляет себя в области правозащитной деятельности в различных ее сферах (судебной, правоохранительной, адвокатской и т.п.), что предопределяет не только научную, но и практическую необходимость осмысления толкования права в области правозащитной деятельности.

При этом, поскольку правозащитная деятельность во многом связана и с индивидуальным правовым регулированием правоотношений некоторых ее субъектов, изучение такого вида регулирования также является актуальным для целей формирования полного и всестороннего представления о правозащитной деятельности, уяснения и нахождения путей разрешения актуальных проблем, с которыми могут сталкиваться субъекты, ее осуществляющие.

Объектом выпускной квалификационной работы являются общественные правоотношения в правозащитной деятельности, связанные с

интерпретацией права и индивидуальным правовым регулированием правоотношений.

Предмет работы – интерпретация (толкование) права и особенности индивидуального правового регулирования в контексте правозащитной деятельности.

Целью выпускной квалификационной работы является изучение на основе анализа законодательства, особенностей толкования права различными субъектами интерпретации правовых норм, специфики индивидуального правового регулирования и их влияния на правозащитную деятельность.

В свою очередь, поставленная цель обусловила необходимость решения следующих **задач**:

- исследовать виды и субъекты толкования права;
- проанализировать актуальные проблемы толкования права высшими судами судебной системы РФ;
- выявить роль правовых позиций ЕСПЧ в контексте толкования норм российского права;
- выявить сущность и стадии индивидуального правового регулирования;
- проанализировать актуальные проблемы индивидуального правового регулирования правозащитной деятельности в РФ;
- изучить и дать оценку роли деятельности адвокатов и правоохранительных органов в контексте осуществления ими правозащитной деятельности.

Методологической основой исследования, примененной для достижения указанной цели и решения поставленных задач, является диалектический метод научного познания, предполагающий объективность и всесторонность познания исследуемых явлений. Наряду с этим применялись следующие методы: логический, системно-структурный, технико-юридический, системно-правовой, сравнительно-правовой, герменевтический (метод толкования текстов), синтез, анализ, индукция, дедукция и другие методы научного исследования.

Теоретической основой исследования стали труды Березовской Е.В., Григорьева А.С., Джавахяна Р.М., Колоколова Я.Н., Минникес И.А., Пирмаева Е.В., Ревинной Е.В., а также других ученых и практиков как по общепроцессуальной, так и по исследуемой проблематике.

Нормативную правовую базу работы составили Конвенция о защите прав человека и основных свобод, Конституция РФ, ГК РФ, ГПК РФ, АПК РФ, КАС РФ, УПК РФ, а также другие федеральные законы и нормативно-правовые акты.

Эмпирическая база работы состоит из материалов судебной практики высших судов РФ (в том числе позиций КС РФ, разъяснений Пленумов ВС РФ и бывшего ВАС РФ) судов общей юрисдикции Тюменской области и иных субъектов РФ, правовых позиций ЕСПЧ, в том числе собственный практический опыт автора как сотрудника органов полиции (системы МВД).

Теоретическая значимость работы состоит в том, что результаты настоящего исследования могут способствовать дальнейшему рассмотрению заявленной проблематики в доктринальной плоскости, что особенно актуально в контексте реформирования законодательства о правозащитной деятельности.

Практическая значимость работы заключается в том, что результаты проведенного исследования могут быть использованы для последующего устранения пробелов правового регулирования в области правозащитной деятельности или неоднообразного применения норм материального права в правоприменительной практике, а также предложенные изменения в законодательство, по нашему мнению, могут быть использованы законодателем для реформирования наиболее затруднительных аспектов интерпретации права различными субъектами его толкования, оптимизации механизма индивидуального правового регулирования деятельности различных субъектов правозащитной деятельности.

Анализ теоретических и практических аспектов изучаемой проблемы позволил наглядно показать необходимость в дальнейшем совершенствовании отдельных положений действующего законодательства.

Апробация работы. В рамках исследования по проблематике магистерской диссертации были опубликованы 2 статьи в международном научном журнале «Молодой ученый»:

1. Спирин К. О. Толкование права и его влияние на правозащитную деятельность / К. О. Спирин. — Текст: непосредственный // Молодой ученый. — 2022. — № 44 (439). — С. 209-211. — URL: <https://moluch.ru/archive/439/95985/> (дата обращения: 21.11.2022).

2. Спирин К. О. Взаимовлияние механизма индивидуального правового регулирования и правозащитной деятельности: к постановке проблемы / К. О. Спирин. — Текст: непосредственный // Молодой ученый. — 2022. — № 44 (439). — С. 206-209. — URL: <https://moluch.ru/archive/439/95984/> (дата обращения: 21.11.2022).

Структура работы. Магистерская диссертация состоит из введения, двух глав, разделенных на параграфы, заключения и библиографического списка.

ГЛАВА 1. ПРАВОИНТЕРПРЕТАЦИОННАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ СУБЪЕКТОВ ПРАВОЗАЩИТНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

1.1. Понятие и сущность правоинтерпретационной деятельности

«Толкование права является специфической правовой деятельностью, которая тесно связана с правовой действительностью. Право тесно связано с государством, оно обладает своими специфическими чертами. Это системность, нормативность, формальная определенность, необходимость государственного принуждения» [Рубанцова Т.А., С. 214].

Будучи направленным на достижение практической реализации правовых предписаний (их объективации), толкование права обеспечивает установление действительного содержания нормативных предписаний. Так, «цель толкования состоит в том, чтобы выявить точный смысл юридических правил, правовых предписаний, содержащихся в нормативно-правовых актах» [Нерсисянц В.С., С. 203].

Разделяя указанные точку зрения, отметим, что проблема толкования законов всегда присутствовала в юридическом дискурсе.

Интерпретация содержания нормативных установлений необходима не только для полноценного их уяснения, но и для соответствующего букве и духу закона правоприменения и, в особенности, в ситуациях разрешения отдельных (индивидуальных) правовых ситуаций.

В этой связи роль толкования обнаруживает себя в постоянной борьбе субъектов права за гарантированные им права при возникновении правовых конфликтов, каждый из которых по-своему уникален и требует, зачастую, индивидуального осмысления правоприменителем одних и тех же абстрактных правовых предписаний.

Право, как известно, в современном представлении должно способствовать обеспечению идеи прав человека и выполнять социальную функцию для гармонизации общественных отношений, в этой связи неисчерпаемая проблема систематического морального устаревания правовых

предписаний, не успевающих за стремительным развитием этих самых отношений должна решать посредством их толкования, которое способно компенсировать отсутствие эффективной законодательной политики либо же банального процедурного формализма, не позволяющего скоро приводить правовые предписания в соответствие с текущими реалиями.

Как отмечает Протасов В.Н., «стратегическая задача толкования – эффективная реализация правовых предписаний в режиме строгой законности» [Протасов В.Н., С. 123].

По мнению Минникеса И.А., «в большинстве иностранных языков термины «толкование» и «интерпретация» отождествляются. В английском языке это «interpretation», во французском «interprétation», в испанском «interpretación», в итальянском «interpretazione», в португальском «interpretação». В немецком языке термин «interpretation» употребляется наряду с терминами «auslegung» и «deutung». Но во всех перечисленных случаях на русский язык он переводится как «толкование (интерпретация)» [Минникес И.А., С. 110.].

В этой связи толкование права важно рассмотреть не только с позиций общетеоретического подхода, но и применительно к отдельным аспектам правозащитной деятельности, в ходе которой наиболее ярко себя обнаруживает правоинтерпретационная потребность как компетентных органов, так и частных субъектов защиты нарушенных/оспариваемых прав.

Основными способами толкования-уяснения являются: грамматический, логический, специально-юридический, систематический, историко-политический [Власенко Н.А., С.73].

Таким образом, правоинтерпретационная деятельность имеет непосредственное практическое значение, поскольку через толкование норм права достигается реализация властных нормативных предписаний в правоприменительной деятельности.

При этом постановка проблемы правоинтерпретационной деятельности в правозащитном аспекте представляется значимой ввиду особых условий его существования в российской действительности.

Защита прав сопряжена с актуализацией потребности в таком толковании права, которое бы соответствовало не только эффективности разрешения конкретной правовой ситуации, но и создавало бы общий тренд формирования правоприменительной практики, который бы с учетом развития общественных значения на определенном этапе соответствовал социальному назначению права.

Представляется очевидным, что нормативные установления в силу присущего им абстрактного характера и не всегда своевременной законодательной политики могут являться в известной степени консервативными и не всегда современными текущему этапу развития правоотношений.

Именно по этой причине роль интерпретационной деятельности в праве, особенно в сфере правозащиты, приобретает поистине существенное значение.

Рассмотрение отдельных (аспектных) вопросов реализации правозащитной деятельности и толкования права, по нашему мнению, является важным направлением современной юридической науки, поскольку именно в ходе активной правоприменительной деятельности, охватывающей вопросы защиты нарушенных и/или оспариваемых прав, позитивно закрепленные предписания приобретают «живой» смысл, способны адекватно отвечать на проблемы, возникающие в тех или иных правоотношениях, служить инструментом для исчерпания правовых конфликтов.

1.2. Виды и субъекты толкования права

Интерпретация права в условиях современной российской правовой действительности имеет, пожалуй, решающее значение для правозащитной деятельности, объективирующей себя в правоприменительной практике различных государственных органов и вместе с тем ее и предопределяющей.

Правоприменение в этом отношении, безусловно, нуждается в толковании нормы не только в правовых ситуациях спорного характера, но и во вполне, казалось бы, типовых случаях публичных и частных конфликтов интересов, подлежащих урегулированию в правовом поле, поскольку однажды данное толкование правовой нормы способно породить корреспондирующую ему практику применения этой нормы в будущем.

Однако хотя и российский законодатель на современном этапе развития системы права не признает прецедент в качестве источника права, следует признать, что роль интерпретации права в правоприменительной деятельности напрямую оказывает влияние на достигаемый результат защиты прав субъектов права в различных сферах деятельности, что, в свою очередь, не может упускаться из поля зрения юридической науки.

Как отмечает Тарасов А.Н., сущность толкования права заключается в «уяснении для себя и для субъектов общественных отношений, а также в разъяснении для других объективно существующих принципов и норм права <...> с целью выявления прежде всего действительной воли управомоченных правотворческих органов, а не «букв» в принципах и нормах права» [Тарасов А.Н., С. 27]

В целом разделяя вышеприведенную точку зрения отметим, что зачастую «выявление воли управомоченных правотворческих органов» оказывается не всегда возможным сразу ввиду различных факторов, связанных, например с новизной правоотношения или его сложностью, отсутствием устойчивой правоприменительной практики или же, напротив, наличием противоречивой практики применения норм права, в связи с чем справедливо замечание Морозовой Л.А. о том, что «необходимость толкования норм права возникает в процессе правоприменения, поскольку невозможно применить норму права, не уяснив ее точный смысл» [Морозова Л.А., С. 268].

В этом отношении актуализируется вопрос о том, кто именно должен давать толкование правовым нормам, как, а также в каком случае данное тем или иным субъектом права (представляется, что в силу социального характера

права его толкование должно быть доступно широкому кругу субъектов (юридическому сообществу, в частности), что позволило бы достичь известной доли объективности в вопросе весьма субъективном) следует признавать своего рода «эталонным», практико-образующим.

Таким образом, следует определить виды толкования права, его значение в правозащитной деятельности, а также место интерпретации права субъектами правозащитной деятельности.

Официальное толкование осуществляется компетентными органами, а результат такого толкования имеет общеобязательный характер для всех субъектов права.

В таком виде толкования права находит своё отражение сущность государственной власти как концентрированного выражения силы государства, направленной на упорядочивание отношений, возникающих в обществе. Посредством официального толкования правовых предписаний государство обеспечивает устранение неясностей в их уяснении и понимании субъектами, которым они адресованы, способствует общей стабильности правоприменения. Вместе с тем, официальное толкование далеко не всегда способно адекватно современному развитию общественных отношений и представлениям о правах человека, способствовать целям правового и социального государства, если такое толкование является политически конъюнктурным и преследует узкие элитарные цели.

В свою очередь в официальном толковании выделяют 3 его вида:

- аутентическое;
- легальное;
- правоприменительное.

Аутентическое толкование производит орган, издавший нормативный акт. Такой орган реализует правоинтерпретационную функцию не на основании дачи иным органом поручения о даче разъяснений, а в силу своей правотворческой компетенции [Кузакбирдиев С. С., Романова Ю. С., Устюгова А. О., С. 63].

Легальное толкование выполняет орган, специально уполномоченный на то законом. Так, статья 126 Конституции РФ указывает, что ВС РФ «дает разъяснения по вопросам судебной практики». Исключительная компетенция Конституционного суда РФ – толкование нормативных актов с точки зрения их соответствия Конституции, дает он толкование и норм самой Конституции (статья 125 Конституции РФ) [1.2].

Как отмечает С. В. Нарутто, «КС РФ в специальном производстве выполняет нормативное толкование Конституции РФ, а в иных видах производства, которые являются общеобязательными, осуществляет казуальное толкование» [Нарутто С.В., С. 266]

Особое значение для юридической практики имеют сборники постановлений Пленума ВС РФ и Пленума ВАС РФ (после упразднения ВАС РФ они сохраняют свою силу до принятия соответствующих решений Пленумом ВС РФ), а также отраслевые кодексы с постатейными материалами, в которых обязательно приводятся необходимые извлечения из руководящих разъяснений высших судебных органов [Чекулаев С.С., С. 356-360].

В системе официального толкования права имеют немаловажное значение и решения международных судов. Установление юридической природы решений международных судов, в частности ЕСПЧ, имеет особую важность для определения места и роли акта судебного толкования права.

ЕСПЧ [5.2] – международный судебный орган, юрисдикция которого распространяется на государства – члены Совета Европы, ратифицировавшие Европейскую конвенцию о защите прав человека и основных свобод, и является исключительным органом по толкованию применению Конвенции о защите прав человека и основных свобод [1.1].

Несмотря на прекращение членства России в Совете Европы, многие правовые позиции, ранее выраженные в решения ЕСПЧ, были восприняты в судебной практике национальных судов РФ на уровне КС РФ, обзоров судебной практики и разъяснений ВС РФ.

С учетом имплементации правовых позиций ЕСПЧ в правоприменительную практику судов РФ, представляется возможным провести анализ «первоисточника» применительно к правозащитной деятельности, поскольку суждения ЕСПЧ всегда имели существенное значение для правозащитной деятельности в цивилизованных странах.

Правовое значение толкования, придаваемого нормам Конвенции о защите прав человека и основных свобод, сложно переоценить и оно является неоспоримо важным для правозащитной деятельности.

Так, в соответствии с частью 1 статьи 6 Конвенции о защите прав человека и основных свобод, каждый в случае спора о его гражданских правах и обязанностях или при предъявлении ему любого уголовного обвинения имеет право на справедливое и публичное разбирательство дела в разумный срок независимым и беспристрастным судом, созданным на основании закона.

Как неоднократно подчеркивал ЕСПЧ, Конвенция о защите прав человека и основных свобод (в том числе закрепленное в ней право на суд) имеет целью гарантировать не теоретические или иллюзорные права, а те права, которые являются практическими и эффективными [4.1].

Положение статьи 4 Протокола №7 Конвенции о защите прав человека и основных свобод, ЕСПЧ посредством толкования во взаимосвязи со статьей 6 Конвенции о защите прав человека и основных свобод, распространил и на гражданские дела, посчитав, что отступление от принципа правовой определенности в этих делах возможно для исправления существенного (фундаментального) нарушения или ненадлежащего отправления правосудия; при этом, по мнению ЕСПЧ, процедура отмены окончательного судебного решения предполагает, что имеются доказательства, которые ранее не были объективно доступными и которые могут привести к иному результату судебного разбирательства (Judgment of the European Court of Human Rights case of Pravednaya v. Russia 18 November 2004 (application no. 69529/01) [4.2], Vedernikova v. Russia 12 July 2007 application no. 25580/02) [4.4] и 23 July 2009 по делу «Сутяжник (Sutyazhnik) против России» [4.5]).

Придание постановлениям ЕСПЧ особого правоинтерпретационного значения, имплементация его позиций в судебную практику судов РФ предопределило включение законодателем специальных механизмов преодоления окончательности судебных решений судов РФ в случаях установления нарушения норм Конвенции о защите прав человека и основных свобод.

Производство по пересмотру вступивших в законную силу судебных постановлений как дополнительный способ обеспечения правосудности судебных постановлений предполагает возможность его использования только в случае, если заинтересованным лицом были исчерпаны все обычные (ординарные) способы обжалования судебного постановления до его вступления в законную силу. Отказ от использования указанных способов заинтересованным лицом должен являться, по мнению ЕСПЧ, препятствием для обжалования судебного акта в порядке надзора (Judgment of the European Court of Human Rights case of Nelyubin v. Russia 2 November 2006 (application no. 14502/04), §28-30 [4.3]).

Указанные виды толкования носят нормативный характер, то есть объектом толкования являются нормы права (нормативные акты) вне их непосредственной связи с применением в рамках индивидуальных правовых ситуаций.

Однако российскому праву известно и ненормативное (казуальное), осуществляемое правоприменителем на стадии выбора и анализа (де-факто толковании) нормы права.

Неофициальное толкование права, имеющее формы обыденного, профессионального и доктринального, осуществляется различными субъектами, но его результаты не имеют общезначимого характера.

Обыденное толкование дается любыми субъектами права и базируется на «житейских» представлениях собственно субъекта толкования, точность и релевантность такого рода толкования поставлена в зависимость от полноценности правосознания индивида.

Доктринальное толкование производится учеными-юристами.

Вместе с тем, следует отметить, что понятие «доктринальное толкование» в известной степени носит условный характер, поскольку представляется, в российской правовой действительности на современном этапе отсутствует как таковая правовая доктрина, представляющая собой некое общее учение, основанное на унифицированных принципах познания государственно-правовых явлений и процессов именно применительно к российским самобытным реалиям. При этом наше утверждение само по себе не отрицает существование российской юридической науки в целом, поскольку отсутствие систематизированного учения о праве указанного не исключает и, представляется, что в настоящее время юридическое научное сообщество всё же в поиске концептуального учения о праве и со временем таковое выразится наиболее явным образом; к тому же так или иначе любое толкование, в том числе и даваемое учеными, должно базироваться на принципах научного познания.

В этой связи следует согласиться с точкой зрения В. А. Петрушева, который предлагает использовать понятие «научное толкование права», так как доктрина говорит об общепризнанных понятиях, а они не всегда верны [Петрушев В.А., С. 45].

Профессиональное толкование осуществляется специалистами-юристами. Критерием такого толкования выступает практическая деятельность юриста. К субъектам профессионального толкования, традиционно, относят прокурора или адвоката в судебном процессе. Существенной особенностью такого рода толкования является его необязательность для правоприменительных органов. Отменим, что даже в рамках осуществления своей процессуальной функции по даче заключения в рамках гражданского дела, суждения прокурора о необходимости применения или истолкования закона не связывают суд при принятии решения. Аналогичным образом позиция адвоката о толковании закона для суда не представляет непреодолимого значения.

Однако, поскольку правоприменительные органы (в частности, суд) обязаны мотивировать отклонение суждений участников процесса (правовых ситуаций) относительно толкования и/или применения закона, профессиональное толкование опосредованно служит развитию толкования официального, поскольку фактически привносит актуальные смыслы в нормативные установления с учетом специфики каждой конкретной ситуации.

При этом именно в плоскости профессионального толкования во много и реализуется возможность субъектов правозащитной деятельности дать свою интерпретацию нормам права в каждом конкретном случае, поставив перед правоприменителем вопрос о существовании нормы, ее смысле, что, безусловно, представляется важным в том аспекте, что от результата избранного судом толкования зависит исход спора (разрешения правовой ситуации).

Наиболее ярко указанный тезис себя обнаруживает в контексте правоприменительной деятельности судов.

Согласно части 3 статьи 123 Конституции РФ, судопроизводство осуществляется на основе состязательности и равноправия сторон.

Как следует из правовой позиции КС РФ, изложенной в постановлении от 14.02.2002 №4-П, конституционный принцип состязательности предполагает такое построение судопроизводства, при котором правосудие (разрешение дела), осуществляемое только судом, отделено от функций спорящих перед судом сторон, при этом суд обязан обеспечивать справедливое и беспристрастное разрешение спора, предоставляя сторонам равные возможности для отстаивания своих позиций, и потому не может принимать на себя выполнение их процессуальных функций [3.3].

Указанное предполагает ряд существенных гарантий спорящим сторонам в том числе и связанные с возможностью донесения до суда не только субъективного мнения относительно фактических обстоятельств спора, но и правовой позиции по делу.

При изложении своей правовой позиции по делу, рассматриваемому судом, профессиональный юрист зачастую, с учетом конкретных фактических

обстоятельств спора (юридических фактов), дает толкование подлежащему применению закона в интересах своего доверителя, защищая таким образом его права в судебном порядке.

При этом суждение «толкование подлежащего применению закона в интересах своего доверителя» не следует воспринимать как чистую казуистику и попытку спекуляции юриста на вопросах правовой неопределенности, в том числе и в тех случаях, когда усматривается пробел в праве или неоднозначность подлежащей применению нормы, даже в тех случаях когда юрист в сущности преследует такую цель, поскольку любая интерпретация, данная в процессе профессиональным юристом так или иначе позволяет принимающему решение суду оценить обоснованность такой позиции, соотнести ее с существом нормы, а в необходимых случаях (представляется при наличии концептуального сомнения) и вовсе с учетом занятой юристом-представителем позиции инициировать в порядке статьи 84 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации» [1.3] запрос о проверке нормативных правовых актов органов государственной власти акта в той или иной части на соответствие Конституции РФ.

В этой связи отметим, что нам видится необходимым развивать в качестве одного из направлений совершенствования правоприменительной практики – создание необходимых условий для профессиональной деятельности юристов.

Как отмечают Певцова Е.А., Соколов Н.Я., «наиболее важным <...> является отсутствие возможности должным образом подготовиться к разрешению дела, связанного с большой служебной загруженностью. К этим обстоятельствам приходится отнести давление, оказываемое со стороны вышестоящих руководящих работников» [Певцова Е.А., Соколов Н.Я., С.29].

Разделяя указанную точку зрения частично, вместе с тем отметим, что отнюдь не высокая загруженность предопределяет профессиональную состоятельность суждений юриста в рамках осуществления им правозащитной деятельности, а уровень правовой культуры и даже банальной грамотности.

Отдельного внимания заслуживает проблема необходимости повышения квалификации не только для лиц, занимающихся частной практикой без статуса адвоката, но и для адвокатов непосредственно. Известно, что в силу действующего правового регулирования к адвокатам после сдачи экзамена и присвоения статуса не предъявляются требования об аттестации или императивных требований о необходимости повышения квалификации по прошествии определенного периода их практической деятельности.

Представляется такое упущение законодателя допускает, что адвокат, не занимающийся активной практикой и не стремящийся повышать свою квалификацию, может допускать при оказании юридической помощи ошибки, связанные в том числе и с толкованием правовых предписаний, их осмыслением в актуальном контексте правоприменения, что в конечном итоге скажется на его доверителе.

Юрист, имеющий в достаточной степени высокие моральные и этические качества в совокупности с развитой профессиональной компетенцией, безусловно, будет являться «ценным» субъектом интерпретации права в общем контексте этой проблемы, поскольку деятельность каждого такого юриста будет оказывать «оздоровляющий эффект» для правовой системы в целом и способствовать истинному воплощению права как социальной идеи в правоприменительной области.

С учетом изложенного, представляется, что деятельность профессионального юриста в ходе анализа, разрешения отдельных вопросов правоприменительными органами и, в частности, судом, способна оказать влияние на толкование норм права и их непосредственное применение при избранном толковании на исход спора (правовой ситуации).

1.3. Толкование права высшими судами судебной системы Российской Федерации и его значение для правозащитной деятельности

Представляется бесспорным, что суды осуществляют наиболее важную функцию по защите нарушенных/оспариваемых прав как правоприменительные органы, чье окончательное решение обладает высшей императивностью

(является общеобязательным для исполнения всеми субъектами права без исключения).

В этой связи невозможно недооценить и роль судебного толкования норм права, поскольку в ходе судебного правоприменения нормативные предписания объективируются и проявляют себя наиболее явно себя обнаруживают в жизни государства и общества.

Суды, обосновывая в мотивировочной части судебных актов, в том числе проверочных инстанций, применение норм права при разрешении дел фактически выполняют правоинтерпретационную функцию, причем, как представляется, наиболее существенным образом. Судебному толкованию свойственен властный характер и обязательность как разновидности официального толкования права (хотя и применительно к конкретному случаю разрешения правовой ситуации).

Казуальное толкование осуществляется судом в рамках рассмотрения определенного спора посредством приведения в судебном постановлении мотивов принятого решения как в вопросах факта, так и в вопросах права (применение норм права), при этом существо итогового судебного постановления направлено, прежде всего, на окончательное (финальное) разрешение возникшего между сторонами спора (разрешение дела – в случаях рассмотрения заявлений бесспорного характера или уголовного процесса). При этом толкование права и последующее применение интерпретированных судом норм осуществляется не произвольно, а в синтезе с установленными судом по делу фактическими обстоятельствами спора.

В процессе казуального толкования нормы суд зачастую осуществляет конкретизацию норм, уточняя смысл и формируя практику ее применения.

Особенно указанное обнаруживает себя при применении оценочных понятий в праве, когда легальное содержание нормы не позволяет применить ее непосредственно к фактическим правоотношениям и требуется судебная оценка (например, при разрешении вопроса о взыскании судебных издержек по оплате услуг представителя в гражданском процессе (часть 1 статьи 100 ГПК РФ)).

При этом роль судебного толкования норм права носит глобальный характер, поскольку оно призвано обеспечить унифицированное (единое) понимание существа той или иной правовой нормы, реализуя тем самым принцип единообразия судебной практики.

Заслуживают отдельного внимания ситуации, когда суд сталкивается с неизбежностью использовать лишь метод толкования нормы права или права в целом в условиях пробельности в регулировании спорного правоотношения. Иными словами, при таком положении суду предстоит разрешить вопрос о том, какая норма права должна примениться по аналогии либо же и вовсе, когда смежные нормы отсутствуют, каким образом действовать по аналогии права, выявляя общий смысл правовых интенций законодателя в отсутствие самих норм как таковых.

Отмечается, что «в случае неурегулированности отношений предусматривает возможность применения аналогии закона (законодательства, регулирующего сходные отношения) либо аналогии права, основанной на общих началах и смысле гражданского законодательства и требованиях добросовестности, разумности и справедливости» [Кучин М.В., С. 21], при этом каждое из перечисленных понятий носит явно оценочный характер и от правильности толкования норм судом зависит не только формально исход спора, но и его разрешение в соответствии с духом закона, обеспечение идеи социальной справедливости, там где того явно закон требует.

Вместе с тем, акты судебного толкования согласно традиционной позиции в теории государства и права не содержат норм права, а потому, казалось бы, не способны являться наряду с нормативными правовыми актами столь же паритетным источником российского права.

Между тем такая позиция представляется крайне устаревшей и заслуживающей обстоятельной ревизии. Для выявления значения судебного толкования в условиях главенствующей роли нормативного правового акта как источника российского права представляется целесообразным обратиться к истокам проблемы, а именно к контексту «закон как текст».

«Развитие системы права (возникновение новых его форм, трансформация их содержания, формирование новых элементов правовой системы и т. д.) – как отмечает профессор И. П. Малинова – всегда связано с порождением новых смыслов. Изменения в системе законодательных, судебных и правоохранительных органов находят выражение не только в новых понятиях, но и в соответствующих смысловых развертках официально закрепленных определений правовой системы и ее элементов» [Малинова И.П., С. 113].

Соглашаясь с данной позицией, отметим, что преодоление смысловых неясностей и неточностей содержания норм права преодолевается посредством правоинтерпретационной деятельности (толкования права).

Безусловно, осмысление такого важного для правовой действительности явления как «толкование правовых текстов» стало предметом юридической герменевтики.

Толкование правовых текстов как момент правовой реальности, обладающий социально-отнологическим измерением рассматривался в трудах Г.Ф. Пухты, Х.-Г. Гадамера, Ж.Карбонье.

Г. Ф. Пухта связывал сложности в толковании правовых текстов с индивидуальными особенностями самих народов, чьи отношения право призвано регулировать, полагая, что «сами народы представляют собой различные индивидуальности различного рода и направления. Эти индивидуальности составляет то, что мы называем характером народа, поэтому права народов различны; особенность народа появляется в его праве точно также, как в его языке и нравах» [Новгородцев П.И., С. 20].

При этом основная проблема в толковании закона, согласно точке зрения Г.Ф. Пухты, состояла в том, что законодатель, используя слова для выражения своей воли, может прибегнуть к использованию таких лексических единиц, которые имели бы различные значения: «это зло случается тем чаще, чем меньше составитель закона владеет языком или чем подвижнее будет дело

законодательства, но и самое строгое внимание не всегда в состоянии будет его устранить» [Пухта Г.Ф., С. 47].

По Х.-Г. Гадамеру, «принадлежность истолкователя текста подобна принадлежности оптического центра перспективе, заданной в картине. Речь идёт не о том, что мы должны найти этот центр и занять его как некую позицию, тот, кто понимает, не выбирает точку зрения по собственному произволу, а находит своё место данным ему заранее» [Гадамер Х.-Г., С. 56].

Жан Карбонье считает необходимым законодательное обеспечение различного рода процедур «социологического толкования» [Карбонье Ж., С.128].

Анализируя вышеприведенные точки зрения ученых относительно существа толкования правовых текстов, можно прийти к выводу о том, что толкование закона так или иначе предполагает введение его текста в различных контекстах, а потому в современных условиях особого внимания заслуживает проблема легитимации интерпретационных актов в российском праве, которые сами по себе во многом исходят от судебных органов; хотя, вместе с тем, российское право не относит их к источникам права и не придает им нормативного значения наряду с законами или подзаконными актами, при том что де-факто имеет место обратное.

В этой связи можно говорить о том, что судебное толкование является претворяющим в жизнь способом объективации правовых норм, а потому было бы весьма странно выводить толкование норм права, во всяком случае, высшими судами за пределы нормативного правового контекста.

Вопросы применения норм права в российском законодательстве систематизируются и освещаются преимущественно в актах судебного толкования КС РФ (выявленный судом конституционно-правовой смысл норм права становится обязательным и единственно верным, а равно является основанием для внесения законодателем соответствующих изменений, а решения по конкретным делам, в которых применялся закон, чья конституционность оспаривалась, подлежат пересмотру) и ВС РФ (последний –

раз в квартал выпускает так называемые обзоры судебной практики, а также издает постановления Пленума, в которых обращается внимание судов на необходимость единообразного применения права в соответствии с данными в таком постановлении разъяснениями).

При этом в юридической практике отношение к актам судебного толкования сложилось таким образом, что, по существу, правоприменитель придает им силу квазизаконного установления.

Безусловно, представлялось бы странным полагать, что помимо закона существует некое иное, высшее установление, которым должен руководствоваться правоприменитель. Однако, вместе с тем, именно разъяснения высших судебных инстанций в России в вопросах применения и выяснения смысла тех или иных норм имеют решающее значение, особенно в условиях пробельности правового регулирования, фактически тем самым подменяя нормативную материю интерпретационной.

Вместе с тем, как справедливо замечает профессор Малинова И.П., «толкование – необходимый компонент судебной состязательной деятельности, поэтому не совсем корректно звучат прямолинейные вердикты Суда, запрещающие какие-либо дальнейшие варианты толкования» [Малинова И.П., С.143], а потому усматривается, что российская судебная система фактически возвела в абсолют принцип «суд толкует право», по существу выйдя далеко за рамки лишь интерпретационной деятельности, создавая тем самым квазинормативные установления.

Представляется, что такие случаи интерпретационной деятельности закона релевантно будет назвать эрзац-нормами (нем. ersatz – заменитель), представляющими собой своего рода один из основных (хотя и официально не признанных государством) источников современного российского права.

Указанная проблематика определенно заслуживает отдельного, самостоятельного научного исследования и обоснования.

При этом одним из возможных путей решения проблемы по существу безграничного эрзац-правотворчества путем толкования права высшими

судебными инстанциями в России, с учетом сложившейся политической конъюнктуры, видится в официальном признании актов толкования права высших судебных инстанций источниками российского права и законодательного установления конкретных ограничений такой интерпретационной деятельности во устранение слияния функций законодательной и судебной власти в этой связи.

Рассмотрим проявления судебного толкования на конкретных примерах.

Одним из наиболее ярких, явно выходящих за пределы разъяснительного значения правовой нормы, примеров следует признать некоторые разъяснения, данные в постановлении Пленума ВС РФ от 13.10.2020 №23 «О практике рассмотрения судами гражданского иска по уголовному делу» [3.6].

Так, исходя из положений части 1 статьи 44 УПК РФ как физическое, так и юридическое лицо вправе предъявить по уголовному делу гражданский иск, содержащий требование о возмещении имущественного вреда, при наличии оснований полагать, что данный вред причинен ему непосредственно преступлением, а физическое лицо - также и о компенсации причиненного ему преступлением морального вреда.

При этом в пункте 12 Постановления Пленума ВС РФ от 13.10.2020 №23 «О практике рассмотрения судами гражданского иска по уголовному делу» дано следующее разъяснение: по смыслу части 1 статьи 44 УПК РФ требования имущественного характера, хотя и связанные с преступлением, но относящиеся, в частности, к последующему восстановлению нарушенных прав потерпевшего (например, о взыскании процентов за пользование чужими денежными средствами, о признании гражданско-правового договора недействительным, о возмещении вреда в случае смерти кормильца), а также регрессные иски (о возмещении расходов страховым организациям и др.) подлежат разрешению в порядке гражданского судопроизводства. В этой части гражданский иск по уголовному делу суд оставляет без рассмотрения с указанием в постановлении (определении) или обвинительном приговоре мотивов принятого решения.

Однако, несмотря на то, что казалось бы общую универсальность разъяснений, оно вместе с тем на практике способно породить ряд концептуальных вопросов относительно тождества конкурирующих правовых норм, связанных с восстановлением прав гражданских истцов по уголовному делу, влекущих процессуальные последствия для исхода дела (применительно к соотношению предметов, оснований заявленных требований и сторон спора и определению предмета доказывания), а также в связи с доказыванием обстоятельств, связанных с исчислением срока исковой давности в случае оставления подобного рода исковых требований без рассмотрения.

Право на обращение в суд в гражданском и арбитражном процессе обусловлено возникновением ситуации, вызывающей необходимость заинтересованного лица обратиться в суд за защитой нарушенных/оспариваемых прав (часть 1 статьи 3 ГПК РФ, часть 1 статьи 4 АПК РФ).

Применительно к указанным разъяснениям, несмотря на то что Пленум ВС РФ счел предъявление гражданского иска в рамках уголовного дела эффективным механизмом судебной защиты прав потерпевшего, данные разъяснения, по нашему мнению, отнюдь не исчерпали спорных ситуаций, при которых предъявление гражданского иска если и не бессмысленно, то во всяком случае не всегда может привести к восстановлению нарушенных прав таких лиц.

В таких случаях потерпевшему следует использовать дополнительные механизмы правовой защиты, которые в рамках уголовного дела в свете указанных разъяснений недоступны.

В целом подобного рода ситуации можно разделить на две группы:

- при разрешении судом по уголовному делу гражданского иска;
- при оставлении гражданского иска без рассмотрения с сохранением за гражданским истцом права на обращение в порядке гражданского судопроизводства.

И в том, и в другом случае возможны ситуации, при которых при рассмотрении судами общей юрисдикции и арбитражными судами споров, вытекающих из обстоятельств предъявления гражданского иска в рамках уголовного дела, возникает конкуренция гражданско-правовых способов восстановления нарушенных прав потерпевших по уголовному делу, но уже в рамках гражданско-правового судопроизводства.

Такая проблема неразрывно связана с базовыми категориями процесса «предмет иска», «основание иска», «стороны», что детерминирует интерес в исследовании данного вопроса.

Предметом иска является материально-правовое требование истца к ответчику, а основанием - фактические обстоятельства, на которых основано требование (пункты 4 и 5 части 2 статьи 131 ГПК РФ, пункты 4 и 5 части 2 статьи 125 АПК РФ, пункт 3 постановления Пленума ВАС РФ и от 31.10.1996 №13 «О применении Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации при рассмотрении дел в суде первой инстанции» [3.5]).

Представляет интерес ситуация, нередко возникающая в рамках дел о несостоятельности (банкротстве) по привлечению КДЛ к субсидиарной ответственности, которые ранее уже были привлечены к уголовной ответственности и приговором суда в их отношении был разрешен гражданский иск о возмещении ущерба, причиненного преступлением.

Требование о возмещении ущерба, причиненного преступлением юридическому лицу, направлено на возмещение причиненных преступлением, совершенным руководителем (контролирующим лицом) юридического лица, убытков организации и восстановлении положения хозяйствующего субъекта до совершения преступления, а установление обязательства из причинения вреда по смыслу статьи 1064 ГК РФ [1.4] носит деликтный характер.

В свою очередь, требование о привлечении к субсидиарной ответственности в рамках дела о банкротстве представляет собой групповой косвенный иск, так как предполагает предъявление полномочным лицом в интересах группы лиц, объединяющей правовое сообщество кредиторов

должника, требования к контролирующим лицам, направленного на компенсацию последствий их негативных действий по доведению должника до банкротства [3.9].

Сторонами по такому заявлению являются, с одной стороны, сообщество кредиторов как истцов в материально-правовом аспекте, независимо от того, кто выступает их представителем - процессуальным истцом, с другой стороны, КДЛ в качестве ответчика.

При поверхностном анализе *prima facie* указанных правовых конструкций вполне логично заключить, что требование о привлечении к субсидиарной ответственности в рамках дела о банкротстве имеет явную специфику в сравнении с рядовым требованием о возмещении ущерба, причиненного преступлением, поскольку в отличие от последнего регулируется нормами специального законодательства о банкротстве (например, порядок определения размера субсидиарной ответственности по части 11 статьи 61.11 Закона о банкротстве [1.5]), правила об исчислении сроков исковой давности и даже отличное от положений статьи 401 ГК РФ презюмирование вины контролирующего лица по правилам части 2 статьи 61.11 Закона о банкротстве.

Между тем такой подход нельзя было бы признать обоснованным, поскольку он принципиальным образом противоречил процессуальным аспектам судопроизводства, базовым образом определяющим существо разбирательства в суде, поскольку бы допускало, в сущности, привлечение контролирующего лица к одной и той же ответственности из причинения вреда,

Мы находим возможным привести в качестве оптимального варианта соотнесения указанных коллидирующих норм правовую позицию Судебной коллегии по экономическим спорам ВС РФ, изложенную в определении по делу №А40-203647/2015 [3.10].

Фабула правовой ситуации, являвшейся предметом кассационного рассмотрения в рамках дела №А40-203647/2015 сводилась к тому, что бывший руководитель юридического лица – должника Д. был привлечен приговором суда к уголовной ответственности за уклонение от уплаты налогов в особо

крупном размере на сумму с него в пользу налогового органа взыскан для последующего перечисления в бюджет материальный ущерб, причиненный в результате преступления, в размере 53 053 008 рублей 78 копеек. Данная сумма, а также начисленные на нее пени и санкции впоследствии включены в реестр требований кредиторов должника.

Разрешая вопрос о наличии оснований для привлечения Д. к субсидиарной ответственности по обязательствам должника на сумму 76 358 898 рублей 64 копейки (в том числе 53 053 008 рублей 78 копеек), суды первой и апелляционной инстанций, суд округа исходили из того, что гражданский иск о взыскании ущерба за совершенное преступление в размере неуплаченных налогов не тождественен иску о привлечении контролирующего лица к субсидиарной ответственности.

Судебная коллегия по экономическим спорам ВС РФ с указанным подходом не согласилась, усмотрев тождество предмета и основания заявленных требований, а также сторон спорных правоотношений, ввиду чего судебные акты в части взыскания денежных средств с Д. отменила, направив вопрос на новое рассмотрение в суд первой инстанции, в остальной части судебные акты оставила без изменения.

По существу, разрешая спорный вопрос судебная коллегия пришла к выводу о том, что такой иск фактически точно так же направлен на возмещение вреда, причиненного контролирующим лицом кредитору, а разница заключается лишь в том, довело ли контролирующее лицо должника до банкротства либо нет, от чего зависит подлежащая взысканию сумма, при том что размер ответственности сам по себе правовую природу требований никак не характеризует, ввиду чего такие требования в сущности носят зачетный характер.

С данным подходом следует согласиться, поскольку он в полной мере отражает действительное соотношение предмета и основания заявленных требований, что принципиально с позиции применения положений пункта 2 части 1 статьи 150 АПК РФ по аналогии закона.

В дополнение к указанному судебной коллегией автор считает необходимым отметить, что помимо в целом совпадающих предмета и основания комментируемых требований, стороны спорных правоотношений также следует признать совпадающими, поскольку тот факт, что на этапе банкротства требование о субсидиарной ответственности заявляет не юридическое лицо-потерпевший, а арбитражный управляющий, действующий в интересах кредиторов (или кредиторы), не умаляет того факта, что в силу специфики правоотношений эти требования по существу заявляются от имени и в интересах общества, которое на этапе банкротства имеет лишь одну генеральную цель – удовлетворение требований кредиторов.

В этой связи разъяснения, изложенные в Постановлении Пленума ВС РФ от 13.10.2020 №23 «О практике рассмотрения судами гражданского иска по уголовному делу», не исчерпывают проблем, связанных применением законодательства о гражданских исках применительно к специфике отдельных категорий споров, в том числе и настолько специфичных как дела о банкротстве, не содержат каких-либо универсальных правовых алгоритмов разрешения спорных ситуаций.

Мы полагаем, что Пленум ВС РФ, издав указанное постановление, в сущности, сделал первый шаг к систематизации правоприменительной практики в этом направлении, однако учитывая многообразие правоотношений, существование коллидирующих способов правовой защиты, такая работа должна быть безусловно продолжена, а постановление дополнено.

Вместе с тем, формулировка пункта 12 Постановления Пленума ВС РФ от 13.10.2020 №23 «О практике рассмотрения судами гражданского иска по уголовному делу» порождает куда более существенные проблемы при рассмотрении гражданских дел.

Пленум ВС РФ безоговорочно исключил из числа требований, которые могут быть разрешены судом, рассматривающим гражданский иск по уголовному делу требование о признании гражданско-правового договора недействительным.

Автор не находит такое разъяснение принципиально новым, поскольку в правоприменительной практике и ранее суды, рассматривающие уголовные дела, оставляли без рассмотрения требования о признании договоров недействительными в рамках гражданских исков по уголовным делам. Впрочем, и заявлялись такие требования достаточно редко, учитывая, что основное назначение гражданского иска по уголовному делу все же сводится к возмещению ущерба в виде получения денежной компенсации (имущественного или морального вреда).

Однако, акцентировав внимание именно на требованиях о признании договоров недействительными в рамках гражданского иска по уголовному делу, Пленум ВС РФ, по мнению автора актуализировал ряд проблем, связанных с определением предмета доказывания в гражданско-правовых спорах о признании договоров недействительными, чьим фактическое основание вытекает именно из обстоятельств, установленных приговором суда, однако не дал на них никакого ответа ни в комментируемом постановлении, ни в каком-либо другом.

Предметом доказывания по делам в гражданском или арбитражном процессе являются обстоятельства, определяемые исходя из оснований требований и возражений лиц, участвующих в деле, а также норм права, подлежащих применению, установление которых требуется для правильного разрешения дела (части 1 и 2 статьи 56 ГПК РФ, части 1 и 2 статьи 65 АПК РФ).

Так, остается не понятным, означает ли данное разъяснение, что заявление гражданским истцом в рамках уголовного дела требования о признании договора недействительным приостановление течения срока исковой давности (пункт 2 статьи 204 ГК РФ) по такому требованию применительно к его последующему предъявлению в порядке гражданского судопроизводства, учитывая что по смыслу данного разъяснения оно вообще не может быть предметом рассмотрения суда, разрешающего уголовное дело?

Если да, то означает ли указанное разъяснение, что требование о возмещении компенсации ущерба, причиненного преступлением, в сущности,

тождественно требованию о признании договора недействительным, если ущерб был причинен путем совершения сделки?

Если да, то лишается ли лицо, чей гражданский иск был удовлетворен в рамках уголовного дела, последующей возможности требовать признания сделки недействительной или виндикации отчужденной по такой сделке(ам) вещи (в случае совершения цепочки сделок) у конечного приобретателя, при том, что размер вреда, причиненного преступлением взыскан в пользу потерпевшего?

Так, например указанные вопросы возникли в ходе производства по гражданскому делу Тюменского районного суда Тюменской области №2-446/2020.

Судебное постановление суда апелляционной инстанции [3.14] с суждением о тождестве исков и приостановлении течения сроков исковой давности было отменено определением суда кассационной инстанции [3.13], однако не высказавшимся по существу данной проблематики. Представляется, что ответы на поставленные вопросы могут быть получены при новом апелляционном и, возможно, последующем кассационном рассмотрении гражданского дела.

Эти, а также ряд других взаимообусловленных вопросов требуют ответа не столько с позиций материального права, сколько применительно к процессу доказывания тех или иных обстоятельств, поскольку законом напрямую на эти вопросы не отвечает, а, следовательно, определение круга обстоятельств, подлежащих установлению, в данном случае попадает в исключительную дискрецию суда, рассматривающего дело, до устранения правовой неопределенности, вызванной в том числе и разъяснениями, содержащимися в пункте 12 Постановления Пленума ВС РФ от 13.10.2020 №23 «О практике рассмотрения судами гражданского иска по уголовному делу».

Другим не менее значимым актом судебного толкования последнего времени являлось издание постановления Пленума ВС РФ от 23.12.2021 №46

«О применении Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации при рассмотрении дел в суде первой инстанции».

Как разъяснено в пункте абзаце 4 пункта 2 Постановления Пленума ВС РФ от 23.12.2021 №46 «О применении Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации при рассмотрении дел в суде первой инстанции», сообщение суду и участникам процесса заведомо ложных сведений об обстоятельствах дела в силу части 2 статьи 9 АПК РФ может влечь для стороны неблагоприятные последствия, заключающиеся в появлении у другой стороны спора возможности пересмотра судебного акта по вновь открывшимся обстоятельствам (пункт 1 части 2 статьи 311 АПК РФ).

Вместе с тем, при даже самом поверхностном изучении содержания нормы пункта 1 части 2 статьи 311 АПК РФ мы не увидим и намека законодателя на то, что факт сообщения стороной спора ложных сведений суду и другой стороне может являться основанием к пересмотру судебного акта по вновь открывшимся обстоятельствам.

Таким образом, приняв такое разъяснение, Пленум ВС РФ, в сущности, допустил расширительное толкование исчерпывающего и закрытого перечня вновь открывшихся обстоятельств, перечисленных в статье 311 АПК РФ.

Однако избранное Пленумом ВС РФ расширительное толкование в данной части не только оправдано, но всецело и полностью соответствует принципам равноправия и состязательности сторон судопроизводства, добросовестности, а также правовой определенности, поскольку как ранее отмечалось в определении Судебной коллегии по экономическим спорам ВС РФ №306-ЭС20-16785 (1,2) от 11.03.2021 по делу №А65-6755/2017, недобросовестное поведение одной из сторон спора, заключающееся в сокрытии ключевых для дела доказательств является основанием для пересмотра судебного акта по вновь открывшегося обстоятельствам, а принцип правовой определенности не может защищать сторону, действовавшую недобросовестно и умышленно создавшую видимость отсутствия ключевых

доказательств, которые имели решающее значение для дела и могли позволить полноценно провести судебное разбирательство [3.11].

Подобное толкование норм права, пусть и не очевидное, представляется крайне прогрессивным и соответствующим целям отправления правосудия, а потому выражающим социальное назначение права.

Таким образом, следует заключить, что акты судебного толкования имеют во многом решающее значение для правозащитной деятельности, поскольку несмотря на свою вне нормативную правовую природу способны непосредственно оказывать влияние на применение норм права, а равно опосредовать их применение применительно к принципу единообразия судебной практики.

ГЛАВА 2. МЕХАНИЗМ ИНДИВИДУАЛЬНОГО ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ В ОБЛАСТИ ПРАВООЩИТНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

§ 1. Понятие и стадии индивидуального правового регулирования, проблемы реализации механизма правового регулирования в судебной деятельности

«Правовое регулирование – как отмечает Талыкин Е.А. – является интенсивным воздействием, осуществляемым с прямой целью установления правового порядка, на достижение которой направлен системный подбор специальных средств. Различные сферы и различные цели правового регулирования обуславливают дифференциацию целей и средств. Поэтому объективные сложности исследования правового регулирования вызваны разнообразием общественных отношений, целей, средств и способов регулирования» [Талыкин Е.А., С. 67].

Соглашаясь с вышеприведенной точкой зрения, отметим, что ввиду различного характера общественных отношений, одно лишь абстрактное регулирование правоотношений далеко не всегда способно выполнить социальную функцию права, а, следовательно, возникает потребность в регулировании конкретных правовых ситуаций, что достигается через правоприменение с учетом механизма индивидуального правового регулирования.

В юридической науке формулируется такая категория как «механизм правового регулирования», имеющая существенное значение в ходе правоприменительной и правозащитной деятельности, обуславливающая различные аспекты действенности толкования правовых норм.

В переводе с греческого *Mēchanē*, «механизм – это: 1) внутреннее устройство (система звеньев) машины, прибора, аппарата, приводящее их в действие; 2) последовательность состояний, процессов, определяющих собою какое-нибудь действие, явление; 3) система, устройство, определяющие порядок какого-нибудь вида деятельности» [Головкин Р.Б., С.55].

Однако в контексте настоящего исследование механизм осмысливается нами как сложное образование, сочетающее в себе элементы социального, юридического, политического характера в их взаимодействии, направленными на обеспечение регулирования общественных отношений (в том числе и для разрешения индивидуальных правовых споров).

Таким образом, «под механизмом правового регулирования следует понимать нормативно закрепленный, системно организованный комплекс правовых средств, направленный на достижение в соответствии с определенной юридической процедурой целей правового регулирования» [Лазарев В.В., С.78].

В диссертационном исследовании Березовской Е.В. отмечается, что «индивидуальное правовое регулирование можно классифицировать в зависимости от субъектов, осуществляющих данный вид деятельности. В роли субъектов выступают государственные органы, должностные лица, а также в установленном законом порядке юридические лица (например, хозяйственные и общественные организации), трудовые коллективы при заключении трудового) договора (контракта) и т.д. <...> В зависимости от сферы деятельности индивидуальное правовое регулирование может выступать <...> в виде решений органа государственной власти о назначении выборов, о назначении дипломатического представителя, об образовании или упразднении комитета, ведомства» [Березовская Е.В., С. 28].

Индивидуальное правовое регулирование – как следует из диссертации А.С. Григорьева – «представляет собой правовое воздействие на общественные отношения, выражающееся в возложении и реализации субъективных прав и юридических обязанностей в индивидуальном порядке, направленное на разрешение конкретных ситуаций, осуществляемое путем совершения односторонних правомерных юридически значимых действий, результатом, которых являются индивидуальные правовые акты» [Григорьев А.С., С.19].

Как отмечает Григорьев А.С. в своем диссертационном исследовании, индивидуальное правовое регулирование – это «вид правового регулирования,

при котором властноорганизующие начала сочетаются с возможностью принятия субъектами права собственных решений, выражающих их индивидуальную волю, цели и интересы. В отличие от нормативного правового регулирования, когда субъекты выбирают предусмотренные нормами права варианты поведения и пределы субъективного усмотрения существенно ограничены, в ИПР, как правило, наблюдается существенное увеличение сферы и пределов автономии (усмотрения) в правовом поведении субъектов при реализации законных интересов» [Григорьев А.С., С. 22].

При этом в отличие от стадий нормативного правового регулирования, в число которых юридической наукой традиционно включают:

– *Стадия формирования и общего действия юридических норм*, где правовые нормы, вступившие в силу, устанавливают правовой режим, в рамках которого будет происходить конкретное взаимодействие будущих участников правоотношений;

– *Стадия возникновения прав и обязанностей* (стадия возникновения правоотношений), на которой на основе юридических фактов, предусмотренных действующими правовыми нормами, у конкретных субъектов возникают юридические права и обязанности – индивидуализированные правила их поведения;

– *Стадия реализации прав и обязанностей*, на которой субъективные права и обязанности участников правоотношений, заложенные в юридических нормах, воплощаются в жизнь, осуществляются в фактическом поведении субъектов [Алексеев С.С., С.26],

стадии индивидуального правового регулирования выстраиваются с учетом специфики казуального регулирования, учитывая не только юридические (нормативные) аспекты, но и социальные начала права, во многом предопределяющие принципиальную возможность разрешения тех или иных правовых ситуаций.

А.С. Григорьевым выделяются следующие стадии индивидуального правового регулирования:

- *правообразование* (объективный процесс, который предваряет правотворческую деятельность компетентных органов государства. Право формируется самой жизнью, столкновением интересов субъектов общественных отношений и иными социальными противоречиями);
- *правотворчество* (компетентные государственные и иные органы (органы местного самоуправления, общественные организации) создают нормативные правовые акты, окончательно закрепляя сформированные в обществе правила поведения, сообщая им легальный нормативный, государственно-властный характер);
- *правореализация* (юридически должное и возможное превращается в юридически существующее, действительное. Потенциальные субъективные права и юридические обязанности субъектов права наполняются конкретным фактическим содержанием применительно к реальным жизненным ситуациям) [Григорьев А.С., 2017, С. 92-93].

В этой связи нам представляется существенным рассмотрение влияния индивидуального правового регулирования на правозащитную деятельность, учитывая многообразие и порой стихийность складывающихся правовых ситуаций (конфликтов, споров), требующих компетентного и правильного разрешения.

При этом рассмотрение влияния индивидуального правового регулирования на правозащитную деятельность представляется нам важным и потому, что внесение казуальных черт регулирования в данной сфере призвано активизировать институты гражданского общества и обеспечить тем самым соответствующее ожиданиям, предсказуемое, регулирование правоотношений в различного рода сферах взаимодействия индивидов.

В современных условиях актуализируется потребность в обеспечении надежной охраны общественного порядка в интересах как личности, так и общества в целом.

Государство, а также его органы, в той или иной степени регулируют широкий круг общественных отношений, затрагивающий практически все

сферы жизни. Одной из основных задач и в то же время обязанностей механизма государства является защита прав и свобод человека и гражданина, о чем сказано в ст. 2 Конституции Российской Федерации, а также обеспечение режима законности и охрана правопорядка, борьба с различными правонарушениями и преступными посягательствами.

Справедливо замечание А.Г. Братко о том, что «государство является представителем общества, и поэтому оно охраняет жизненно важные интересы общества, права и свободу граждан. Системе негативных проявлений должна быть противопоставлена охранительная, которая представляет собой комплекс государственно-правовых средств, используемых для нейтрализации негативных явлений и эффективной охраны общественных отношений» [Братко А.Г., С.2].

Как правило, в юридической науке и практике для более системного обозначения деятельности органов, чье функциональное назначение связано с реализацией вышеуказанных задач, применяется понятие «правоохранительная деятельность». Роль правоохранительной деятельности государства, по нашему мнению, трудно переоценить, поскольку «она в полной мере соответствует охранительной функции права» [Лапшина О.С., С.25], а потому анализ феномена правоохранительной деятельности носит методологически значимый характер.

Зачастую в юридической науке «правоохранительную деятельность» отождествляют с «правозащитной деятельностью» [Стоякин Г.Н., С.30-35], что во многом детерминировано употреблением в нормативных актах законодателем двух этих понятий (хотя и в несколько иной форме: «охрана прав» / «защита прав») в синонимичном значении.

Например, частью 2 статьи 7 Конституции РФ гласит, что в Российской Федерации *охраняются* труд и здоровье людей, а в части 1 статьи 38 Конституции РФ говорится о том, что материнство и детство, семья находятся под *защитой* государства. В части 1 статьи 1 Федерального закона «О полиции» говорится, что полиция предназначена для *защиты* жизни, здоровья,

прав и свобод, для противодействия преступности, *охраны* общественного порядка, собственности и для обеспечения общественной безопасности. Или же обратимся к тексту части 2 статьи 1 Федерального закона «О прокуратуре Российской Федерации»: в целях обеспечения верховенства закона, единства и укрепления законности, *защиты* прав и свобод человека и гражданина, а также *охраняемых* законом интересов общества и государства - и вновь смысловая единообразность употребления.

Очевидно, законодатель не стремился вложить дифференцированный смысл в понятия «охраны» и «защиты». Попытки их различения стали возможны уже вследствие развития правоприменительной практики и потребности как с научной, так и с практической точки зрения дать им особое толкование, применительно к назначению каждого.

Отметим, с правовой точки зрения, отождествление данных понятий нам представляется не вполне уместным с учетом текущего развития общественных отношений.

Считаем, что «охрана права» возможна только до того момента, пока оно не нарушено, а «защита» лишь в том случае, если факт нарушения уже имеет место (требуется его восстановление в порядке реализации права-притязания). Таким образом, несмотря на близкое значение, функциональная роль всё же существенно отличается, что доказывается рядом учёных, в числе которых профессора Н.И. Матузов [Матузов Н.И., С. 130-131], Э.П. Гаврилов [Гаврилов Э.П., С. 217], Н.С. Малеин [Малеин Н.С., С. 18-19].

В этой связи мы полагаем необходимым особо акцентировать внимание на судебных органах в сфере правозащитной деятельности.

Как отмечает Степин А.Б., индивидуальное судебное регулирование – это «правовая деятельность суда, выраженная в правовом воздействии на конкретные общественные отношения с целью их урегулирования (разрешения), упорядочения (квалификации), прекращения конфликтности сторон (участников), защиты нарушенного права. В зависимости от вида общественных отношений (семейных, трудовых, социальных, гражданских,

публичных и др.) следует выделять и соответствующие виды индивидуального судебного регулирования, возникающего при регулировании неповторяемых отношений, отличающихся ограниченным кругом субъектов и осуществляемых с помощью индивидуально-правовых средств» [Степин А.Б., С. 12].

В 2020 году суды судебной системы РФ в порядке гражданского судопроизводства рассмотрели 20 773 356 дел, в том числе дел в исковом производстве – 20 612 224, что на 9,5% больше, чем в 2019 году. На 10,7% больше рассмотрено дел, возникающих из жилищных правоотношений: в 2019 году их число составило 8 012 615 дел с удовлетворением требований по 7 963 182 заявлениям, а в 2020 году – уже 8 974 502 дел с удовлетворением 8 933 528 исков. Меньше, чем в 2019 году, суды рассмотрели дел из категории трудовых споров 231 845 (с удовлетворением исков по 210 771 делам) против 326 666 (с удовлетворением требований по 300 940 делам) [5.1]. Представляется, что указанные показатели по итогам 2022 года станут явно выше и подобного рода тенденция продолжится в ближайшие годы.

Таким образом, количество судебных споров, рассматриваемых судами судебной системы Российской Федерации, от года к году возрастает, что ставит перед судебной системой сложную задачу по оптимизации процедур рассмотрения дел и совершенствования индивидуального судебного регулирования.

Будучи близким к такой категории как «усмотрение», индивидуальное судебное регулирование обнаруживает в себе как достоинства, так и недостатки, имманентно (внутренне) свойственные любому «оценочному» явлению социальной и правовой действительности.

Во-первых, индивидуальное судебное регулирование осуществляется, своего рода, над позитивным правом, истолковывая его в каждой конкретной ситуации.

Как отмечает председатель Верховного суда Израиля А. Барак в своем труде «Судейское усмотрение», судейское усмотрение представляет собой

«данное судье полномочие выбирать из ряда возможностей, каждая из которых законна в контексте системы» [Барак А., С. 55].

В этой связи актуальна проблема установления неких пределов, ограничивавших бы властный судебный произвол в той мере, в какой это было необходимо для выполнения ключевых задач судопроизводства и реализации права каждого на справедливое судебное разбирательство, но при этом не попрекало бы принцип независимости судей.

Полагая, что решение данного вопроса находится больше в плоскости этики, чем права, нам представляется важным установление более высоких требований не только к квалификации кандидата в судьи, но и к его репутации, а также установления необходимости требования обязательного двухступенчатого порядка исчисления стажа по юридической профессии, то есть со включением требования об обязательном стаже работы как в адвокатуре, так и в государственных органах.

Указанное позволит создать более широкое представление у кандидата в судьи о правовой действительности и будет способствовать более справедливому и адекватному усмотрению, что, в свою очередь, обеспечит стабильность индивидуального судебного регулирования как «дополнения нормативного регулирования и самостоятельного средства правовой защиты нарушенного права» [Барак А., С. 14].

Кроме того, в настоящее время приобрела актуальность идея об установлении обязательной досудебной медиации в свете обозначенной проблемы, которая в юридическом сообществе носит дискуссионный (спорный) характер.

В соответствии с частью 2 статьи 45 Конституции Российской Федерации каждый вправе защищать свои права и свободы всеми способами, не запрещенными законом.

Согласно правовой позиции Конституционного Суда Российской Федерации, Конституция РФ закрепляет право каждого защищать свои права и

свободы всеми способами, не запрещенными законом, в том числе посредством судебной защиты [3.4].

Действующее гражданское процессуальное законодательство РФ предусматривает медиацию в качестве одной из форм примирительных процедур, к которой стороны спора могут обратиться для урегулирования конфликта.

Согласно части 1 статьи 153.5 ГПК РФ, стороны вправе урегулировать спор путем проведения процедуры медиации в порядке, установленном ГПК РФ и федеральным законом.

Однако процессуальный закон сам по себе не регулирует особенности проведения медиации лишь указывая на то, что медиация, как и любая иная примирительная процедура, осуществляется на основе принципов добровольности, сотрудничества, равноправия и конфиденциальности (часть 2 статьи 153.1 ГПК РФ) и на основе выбора сторон (часть 3 статьи 153.1 ГПК РФ), тем самым отдавая всю процедуру исключительно на усмотрение самих спорящих сторон.

Полагаем такой подход избыточно диспозитивным, поскольку сами стороны спора в гражданском судопроизводстве далеко не всегда способны здраво оценить перспективы и преимущества медиации как примирительной процедуры, разобраться в порядке ее проведения и роли медиатора в разрешении их конфликта, при том что содействие суда в организации данной процедуры ГПК РФ не предполагает.

Индивидуальное судебное регулирование в области медиации фактически самоустраняется от оказания содействия сторонам спора, что зачастую не способствует готовности сторон идти на подобный шаг.

Более того, избыточная диспозитивность медиации в российском гражданском процессе выражается и в том, что исключительность добровольности ее проведения в сущности не способствует ее популяризации у лиц, желающих обратиться за судебной защитой, а отсутствие у суда права в зависимости об обстоятельствах спора признать необходимость прохождения

сторонами медиативной процедуры обязательной, способствует лишь увеличению нагрузки на судебную систему РФ.

Полагаем возможным отметить, что введение установленной законом обязательной процедуры медиации не является целесообразным, вместе с тем у суда, рассматривающего дела, должно быть право в порядке подготовки дела к судебному разбирательству признать для сторон обязательной прохождения процедуры медиации в случае, если суд из обстоятельств дела и доводов спорящих сторон усмотрит в этом целесообразность применительно к возможности урегулирования спора вне судебного разбирательства.

Такой подход также считаем направленным на снятие с суда статуса некоего универсального способа разрешить любой спор на основе собственного усмотрения, что будет с учетом индивидуализации определения необходимости проведения медиации способствовать повышению правосознания граждан и поднимет индивидуальное правовое регулирование (в том числе судебное) в России на качественно новый уровень.

Во-вторых, индивидуальное судебное регулирование охватывает не только нормативные установки (позитивное право), но и конкретные жизненные обстоятельства, предопределившие возникновение и развитие спорной правовой ситуации, переданной на разрешение суда.

Указанное представляется нам неоспоримым преимуществом индивидуального судебного регулирования, поскольку демонстрирует социальное воплощение права в действительности и обеспечивает реализацию универсального принципа справедливости.

В-третьих, внутри индивидуального судебного регулирования обнаруживаются суб-индивидуальные механизмы правового регулирования, например, особые мнения судей.

Такой механизм представляется важным, поскольку позволяет при коллегиальном рассмотрении дел выразить факультативное несогласие членов состава суда с общим мнением судебных коллегий, что обеспечивает не только реализацию принципа независимости судей, но и позволяет праву развиваться,

а спорным ситуациям быть рассмотренными всеобъемлюще, что в отличие от нормативного правового регулирования делает индивидуальное правовое регулирование более интегрированным в реальные чаяния людей.

В целом индивидуальное судебное регулирование в России приобретает во многом приоритетный характер при разрешении спорных правовых ситуаций, чем следование буквальным позитивным правовым установлениям, что обусловлено рядом специфических особенностей правовой системы РФ.

По утверждению профессора Марченко Н.М., «российская правовая система как наиболее мощная и влиятельная из всех прежних социалистических правовых систем находится в настоящее время в открытом для обмена идеями, опытом и для взаимодействия с любой правовой системой переходном состоянии. И нет никакой необходимости, как представляется, пытаться предвосхищать события и искусственно подверстывать российское право под романо-германское или любое иное право» [Марченко Н.М., 2001, С. 594].

Между тем в настоящее время российская правовая система едва ли пришла к постоянству своих правовых институтов и всё еще подвергается значительным изменениям как в сфере частного, так и публичного права.

Тому есть существенные причины, которые, по существу, и представляют особенности российской правовой системы на современном этапе развития:

- соединение европейских и азиатских начал;
- идеологизация права, патернализм государства;
- неразвитость юридических традиций, правовой нигилизм (здесь следует согласиться с точкой зрения о том, что «в российском монархическом государстве восточно-деспотического типа уважительного отношения к праву и закону сложиться не могло, не было в нем и условий для утверждения демократической законности» [Авдеев Д.А., С.6]);
- обширные полномочия президента в сфере исполнительной власти и в вопросах прекращения полномочий судей КС РФ и судей кассационных и апелляционных судов;

- отсутствие эффективных правовых механизмов ротации правящего истеблишмента (длительная несменяемость президента и правящей партии, имеющей большинство в законодательном органе, достаточное для принятия законов простым большинством при голосовании одной лишь правящей партии за его принятие);
- система источников российского права носит открытый характер, она ещё не устоялась.

Принимая во внимание вышеперечисленные особенности правовой системы РФ, сложно говорить о наличии некоего сформировавшегося позитивного права в придаваемом ему доктриной правовом смысле, поскольку открытость вопроса об источниках права (в частности, неопределенность руководящего значение разъяснений высших судебных инстанций не являющихся прецедентами в смысле европейского прецедента, но по сути представляющие собой эрзац-нормы) и свойственное населению пренебрежительное отношение к праву как таковому, не свидетельствуют о наличии достаточной правовой состоятельности системы.

В свою очередь, мы не противопоставляем нормативное правовое регулирование индивидуальному правовому регулированию, осознавая их концептуальную важность для регулирования общественных отношений в целом.

Между тем нами отмечается, что индивидуальное судебное усмотрение во многом, посредством формулирования эрзац-норм вторгается в нормативное правовое регулирование, качественно изменяя его в сравнении с буквальным содержанием позитивных норм, что требует соответствующей реакции как научного сообщества, так и законодателя.

Такое положение требует вмешательства в позитивное право дополнительных механизмов правового регулирования, что и обуславливает доминирование индивидуального судебного регулирования при разрешении правовых ситуаций в РФ.

§ 2. Адвокатская деятельность и ее значение в правозащитной деятельности

Правовое регулирование адвокатской деятельности, в целом, представлено следующими нормативными правовыми актами:

- Конституция Российской Федерации;
- Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая);
- Федеральный закон «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» [1.11];
- Федеральный закон «О персональных данных» [1.12];
- Федеральный закон «О бесплатной юридической помощи в Российской Федерации» [1.13].

Согласно статье 1 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», квалифицированная юридическая помощь оказывается на профессиональной основе лицами, получившими статус адвоката.

Несмотря на законодательное регулирование вопросов, связанных с оказанием юридической помощи, законодатель не раскрывает содержания данного понятия.

По мнению Г. М. Резника, «стандарты оказания такой помощи во многом зависят от содержания указанного термина» [Резник Г.М., С. 25].

Между тем, подавляющее большинство ученых сходится во мнении о том, что юридическая помощь представляет собой деятельность лиц, обладающих специальными юридическими знаниями по оказанию услуг в области права [Кашковский В.С., С.8].

Однако такая трактовка представляется далекой от истины, поскольку в данном случае без внимания остается вопрос о критериях квалифицированности такой помощи.

По нашему мнению, квалифицированной следует считать такую юридическую помощь, которая оказывается лицом, соответствующим требованиям закона о допуске к оказанию такой помощи, а также социальным

требованиям, предъявляемым обществом к такому виду профессиональной деятельности.

Иными словами, наличие высшего юридического образования, соответствующего стажа работы по юридической специальности, принятое решение о присвоении статуса адвоката, соблюдение норм профессиональной этики и определяют квалифицированность оказываемой юридической помощи, а равно и профессионализм лица, являющегося субъектом этой деятельности.

В то же время лица, хотя и обладающие специальными познаниями в области права, но не являющиеся адвокатами, могут оказывать юридическую помощь, но она не будет являться по своему правовому смыслу квалифицированной.

Таким образом, мы полагаем, что квалифицированную юридическую (правовую) помощь следует определить профессиональную деятельность адвокатов, направленную на содействие гражданам и юридическим лицам в решении вопросов, связанных с реализацией норм права в различных областях общественных отношений.

В свою очередь, характеризуя смысл правовой помощи и защиты по уголовному делу, следует отметить, что линия защиты адвоката в уголовном судопроизводстве заранее не определена уголовно-процессуальным законом. Он только обеспечивает интересы правосудия и способствует выполнению различных функций, в том числе и защиты.

По нашему мнению, оказание юридической помощи и защита в сфере уголовно-процессуальной деятельности представляет собой систему мер, направленных не столько на установление истины по делу, сколько способствующих возможности доверителя представить свое видение произошедшего как верное и тем самым обеспечить себе защиту от уголовного преследования.

Оказание квалифицированной юридической помощи при таких обстоятельствах является гарантом возможности лица, в отношении которого ведется производство по уголовному делу, облечь свою концепцию

произошедшего в правовые рамки путем консультаций с защитником, отстаивать свои интересы в рамках уголовного дела, воспользовавшись специальными знаниями адвоката.

Защита человека в уголовном процессе характеризуется особыми условиями своего осуществления. Так, она конкретизирована уголовно-процессуальными нормами, обусловлена наличием обвинения. Кроме того, она производится уполномоченными на то должностными лицами, в задачу которых входит борьба с преступностью, а не защита обвиняемых. Защита по уголовному делу не может быть сведена к какому-нибудь одному направлению.

Наиболее развитой формой оказания юридической помощи является адвокатская деятельность.

Адвокатура отделена от государственного аппарата и не оплачивается им. Кроме того, адвокатура не преследует целей предпринимательской деятельности: она независима и может противостоять желанию государственных органов влиять на нее.

Именно с учетом особого статуса адвокатуры, ее функционала и возможностей, во многом опосредующих возможность получения информации по юридически значимым обстоятельствам уголовного дела, организации процессуальной деятельности, на данный институт и возложена миссия по реализации конституционных норм и защиты прав в российском уголовном судопроизводстве [Матейкович М.С., С. 27].

Адвокат призван обеспечивать защиту граждан не только на предварительном следствии, но и в уголовном процессе (т.е. в суде). Адвокат обязан консультировать лиц, которые обратились к нему за юридической помощью.

Основной формой участия адвоката в досудебном производстве является оказание правовой помощи посредством дачи консультации и сбора доказательств.

При этом в рамках уголовного процесса участие адвоката на стадии предварительного расследования является одним из наиболее важных аспектов

успешной защиты в суде, поскольку фиксация допускаемых органами предварительного расследования нарушений, обеспечение защиты прав и законных интересов доверителей, могущих находиться в различных процессуальных статусах (свидетель, подозреваемый, обвиняемый) именно на данной стадии может оказать существенное влияние на исход уголовного дела в целом.

На стадии судебного разбирательства – уголовного судопроизводства, участие адвоката по уголовным делам также имеет важную роль. Только суд вправе установить виновность, в совершении вменяемого обвиняемому лицу преступления. Равно как и наказание за совершенное преступление. В уголовное судопроизводство допуск адвоката регламентирован частью 2 статьи 48 Конституции РФ и части 3 статьи 49 УПК РФ.

Таким образом, участие адвоката на стадии судебного разбирательства является важным механизмом реализации права подсудимого на защиту от обвинения.

Именно адвокат является лицом, фактически организующим весь порядок и тактику защиты. От действий или бездействий адвоката как защитника во многом может зависеть исход уголовного дела в ситуациях, когда доказательственный материал, добытый обвинением, не является однозначным.

Отметим, что роль адвоката в оказании юридической помощи и защите по уголовным делам является колоссальной. Данный институт обеспечивает право на оказание квалифицированной юридической помощи по уголовным делам (в том числе и бесплатно), что, в свою очередь, является неотъемлемым элементом доступа граждан к правосудию, при осуществлении которого квалифицированная юридическая помощь требуется всем сторонам процесса.

Отдельного внимания заслуживает деятельность адвоката по гражданским делам на стадии выработки стратегии представления интересов и формулирования общей (рамочной) правовой позиции до первого слушания по делу. На данной стадии именно адвокат как профессиональный советник по правовым вопросам способен квалифицировано оценить тенденции толкования

права в судебной практике применительно к конкретной правовой ситуации и предложить наиболее оптимальный подход к пониманию нормы права для успешного разрешения дела своего доверителя.

В этой связи отметим, что нами ведется речь не о казуистической роли адвоката (выбор позиции под конкретного клиента), а об аналитической, ведь зачастую по одному и тому же вопросу применения и толкования норм права суды расходятся во мнении, а ежеквартальное обобщение судебной практики ВС РФ далеко не исчерпывает всех существующих пробелов в единообразных подходах к толкованию закона.

Таким образом, по нашему мнению, именно благодаря субъектам адвокатского сообщества (преимущественно) судебное толкование развивается с учетом социальных потребностей субъектов, защищающих свои права и законные интересы.

Конституция РФ, закрепляя право на получение квалифицированной юридической помощи, не ставит гражданина в зависимость от имеющегося у него процессуального статуса. В этой связи важным представляется тот факт, что адвокат вне зависимости от стадии процесса является ключевой фигурой, предопределяющей стратегию защиты своего доверителя.

Таким образом, именно от квалифицированной оказываемой юридической помощи зависит степень и характер наступаемых для конкретного лица правовых последствий.

Вместе с тем, на практике наблюдаются различного рода проблемы в реализации полномочий адвокатов в целях оказания квалифицированной юридической помощи.

Нормой части 1 статьи 6.1 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» предусмотрено право адвоката направлять запрос для получения сведений и документов, необходимых для оказания юридической помощи, на который органы государственной власти, органы местного самоуправления, общественные

объединения и иные организации, которым направлен адвокатский запрос обязаны, по общему правилу, ответить в 30-дневный срок.

При этом статьей 5.39 КоАП РФ предусмотрена административная ответственность за неправомерный отказ в предоставлении адвокату информации.

Между тем, несмотря на закрепленное правовое регулирование, на практике наблюдается ряд проблем, связанных с реализацией полномочия по направлению адвокатского запроса, получению ответа и в необходимых случаях привлечения к административной ответственности за его неисполнение адресатом.

Прежде всего, проблемы с получением ответов на адвокатские запросы возникают в связи с отказами по мотивам нарушения закона о персональных данных. Несмотря на то, что в статье 1 Федерального закона «О персональных данных» ограничивается сфера действия закона и те обстоятельства, на которые действие данного закона не распространяется, однако в их числе нет пункта, который позволил бы получить информацию, относящуюся к персональным данным в рамках адвокатского запроса.

При таких обстоятельствах возникает ситуация, при которой право адвоката на сбор сведений, справок, характеристик, письменных доказательств, направление запросов должностным лицам и организациям в целях осуществления своей профессиональной деятельности становится на практике формальным, поскольку практически вся истребуемая адвокатом информация, как правило, защищена Законом о персональных данных, запрещающих ее разглашение.

Представляется необходимым внести соответствующее изменение в статью 1 Федерального закона «О персональных данных» и прямо допустить получение адвокатами в рамках адвокатских запросов сведений, на которые распространяется действие Закона о персональных данных.

Кроме того, заслуживает внимания и другая проблема, связанная с установленным законом сроком дачи ответа на адвокатский запрос, равный 30

дням. На практике такой срок, как правило, может привести к неэффективности адвокатского запроса ввиду несвоевременности получения адвокатом соответствующих сведений, учитывая, например, что сроки рассмотрения дел в порядке гражданского судопроизводства ограничены 2 месяцами по общему правилу (часть 1 статьи 154 ГПК РФ).

Несмотря на существующий механизм истребования доказательств судом (статья 57 ГПК РФ), для реализации возможности обратиться к суду за содействием в собирании доказательств, требуется, однако, доказать невозможность самостоятельного получения истребуемых сведений и документов.

В указанных условиях установленный срок ответа на адвокатский запрос, равный 30 дням, фактически нивелирует сопоставимую возможность реализации бремени доказывания с учетом общих сроков рассмотрения гражданских дел.

Такое положение, очевидно, не соответствует требованиям эффективной квалифицированной юридической помощи и не позволяет в достаточной мере адвокату ее оказать в ряде возможных ситуаций. Представляется необходимым сократить установленный законом срок дачи ответа на адвокатский запрос по аналогии со сроками, установленными для исполнения судебного запроса (5 рабочих дней – часть 3 статьи 57 ГПК РФ), что повысило бы эффективность данного механизма.

В целом, роль адвокатуры в предоставлении участникам уголовного судопроизводства защиты от уголовного преследования является значительной и опосредуется как нормами права, так социальным фактором, заключающимся в необходимости обеспечения защиты от государственного обвинения с привлечением лица, обладающим специальными знаниями в области права.

Резюмируя изложенное, полагаем, что развитие законодательства в части, касающейся оказания юридической помощи, в настоящее время достаточно активно, а потому это предопределяет возможность для юридического сообщества, и, в частности, для адвокатуры, расширить возможности оказания

юридической помощи, способствуя тем самым укреплению законности и защиты прав человека и гражданина.

Обращаясь к вопросу индивидуального правового регулирования адвокатской деятельности, следует отметить, что несмотря на нормативно установленный статус адвоката, индивидуальное правовое регулирование не чуждо данной области правоотношений.

Так, в частности, взаимоотношения между адвокатом и доверителем регулируются на основе соглашения, предполагающего включение казуальных (индивидуальных) положений, опосредующих порядок взаимодействия адвоката и доверителя.

Кроме того, деятельность адвоката опосредована и такими индивидуальными правовыми категориями как «интерес доверителя», «обусловленное вознаграждение», которые в зависимости от правовой ситуации и характера оказания юридической помощи могут различаться по своему фактическому содержанию, устанавливаться сторонами самостоятельно, достигая тем самым целей индивидуального правового регулирования в области оказания квалифицированной юридической помощи.

Адвокатская деятельность является важнейшей формой реализации правозащитной деятельности, которая, в свою очередь, не ограничивается лишь только данным видом.

Определенно, адвокатская деятельность представляется «живой» реакцией юридического сообщества на проблемы правоприменения (в особенности, толкования правоохранительными и судебными органами правовых предписаний), и, вероятно, наиболее эффективной из возможных на текущем этапе развития государства. В ходе правозащитной деятельности адвокаты могут убедить суд в принятии того или иного толкования правовых норм в конкретной ситуации, которое способно быть куда более прогрессивным, чем сложившийся официальный подход, не способный учесть особенности конкретной правовой ситуации, а, следовательно, не обеспечивающий в полной мере социальную функцию права.

В свою очередь, правозащитная ее разновидность может включать, помимо адвокатской, деятельность негосударственных общественных организаций, общественную деятельность, осуществляемую в целях охраны и защиты прав и свобод человека и т.п.

Свобода одного человека выступает в единстве со свободой всего общества и невозможна без санкционированных государством правозащитных механизмов и субъектов обеспечения правозащитной функции, главным из которых выступает адвокатура.

Таким образом, по нашему мнению, адвокатская деятельность особо обнаруживает свое социальное, правовое значение в области индивидуального правового регулирования как необходимый гарант реальной защиты прав и законных интересов граждан и организаций, обеспечивающее наличие объективной возможности воспользоваться квалифицированной юридической помощью профессионального советника по правовым вопросам (адвоката).

§ 3. Правоохранительная и правозащитная деятельность: государственные и негосударственные субъекты

Правоохранительная деятельность реализуется в установленном законом порядке, с соблюдением определенных процедур. Так, даже лицо, совершившее преступление не может быть лишено своих прав (лишь ограничено в них в соответствии с федеральным законодательством). Игнорирование органами, осуществляющими правоохранительную деятельность, процедурного порядка приводит лишь к росту недоверия со стороны граждан к режиму законности, а потому данная характеристика имеет принципиальное значение в организационном и практическом аспектах.

При этом такого рода деятельность осуществляется только посредством применения юридических мер воздействия (меры юридической ответственности, пресечения).

Таким образом, можно сделать вывод что *правоохранительная деятельность* – это направление реализации функций специально уполномоченных государственных (негосударственных) органов

(объединений), которое осуществляется путём применения мер юридического воздействия, основываясь на законе, в интересах охраны прав и интересов физических и юридических лиц, обеспечения безопасности, осуществления охраны общественного порядка и поддержания режима законности.

Как и всякая иная деятельность, детерминированная соответствующими целями и задачами, правоохранительная деятельность имеет ряд специфических направлений, среди которых, как правило, выделяют: прокурорский надзор, деятельность по обеспечению безопасности, обеспечение государственной политики в сфере юстиции, борьбу с преступностью, конституционный контроль, и т.д. Такая дифференциация направлений правоохранительной деятельности обусловлена многообразием её задач, осуществляемых различными группами правоохранительных органов.

Хотя, как отмечалось ранее, правоохранительная деятельность, как правовая категория, весьма сложная к определению дефиниция, в связи с чем выработка рациональных и универсальных критериев для классификаций методологически затруднена.

Так, например, если рассматривать «деятельность по обеспечению безопасности» и «борьбу с преступностью» как самостоятельные виды правоохранительной деятельности вполне справедливо можно заметить, что первый вид скорее включает в себя второй, нежели абстрагирует.

Следует отметить, что такая классификация носит сугубо условный характер, что ни в коем случае не отрицает необходимости выделения специфических видов осуществления правоохранительной деятельности. И в контексте нашего исследования мы бы хотели особо обратить внимание на такой вид правоохранительной деятельности как *охрана общественного порядка*, характеризующийся не только участием органов государственной власти, но и непосредственно самих граждан.

Общественный порядок можно определить как «обусловленную интересами всего народа..., регулируемую нормами права, морали, правилами... общежития и обычаями систему волевых общественных

отношений, складывающихся главным образом в общественных местах, а также общественных отношений, возникающих и развивающихся вне общественных мест, но по своему характеру обеспечивающих охрану жизни, здоровья, чести граждан, укрепление народного достоинства, общественное спокойствие, создание нормальных условий для деятельности предприятий, учреждений и организаций» [Еропкин М.И., С. 7].

Субъектов охраны общественного порядка можно подразделять на *государственные* (государство в лице его органов и должностных лиц) и *негосударственные* (субъекты, которые функционируют на частной, общественной основе, а также и некоторые коммерческие структуры).

Вместе с тем, ввиду сложившейся практики, наиболее действенными субъектами правоохранительной деятельности в РФ являются прокуратура и полиция.

Между тем на практике существует спорное отношение к правоохранительным органам в аспекте именно правозащиты.

Фактически действенность правоохранительных органов, в частности если вести речь о полиции и прокуратуре, особенно эффективно проявляется в моменты, предшествующие непосредственному нарушению права, то есть в рамках реализации превентивной функции.

Как отмечается в судебной практике, закрепленные в Федеральном законе «О полиции» принципы деятельности полиции также свидетельствуют, что деятельность данного правоохранительного органа и его сотрудников представляет общественный, публичный интерес [3.12].

Разумеется, и полиция, и прокуратура непосредственно задействованы и при решении задач по устранению уже совершенных правонарушений, однако в данном случае, по нашему мнению, было бы уместно утверждать о выполнении ими не правозащитной функции, а об обеспечении поддержания правопорядка в рамках реализации государственной власти по обеспечению общей стабильности в обществе.

Правозащитная деятельность всё же имеет более узкую направленность, связанную с защитой конкретных интересов.

Таким образом, деятельность правоохранительных органов, хотя и будучи связанной с защитой прав, представляется преимущественно направленной на защиту именно общественных и государственных интересов в целом, обеспечение режима законности, что реализуется государственными и негосударственными субъектами деятельности.

Правоохранительная деятельность и правозащитная деятельность, очевидно, не противопоставлены друг другу в смысловом значении, а, напротив, дополняют друг друга в целях обеспечения режима законности в цивилизованном государстве.

По нашему мнению, представляется особо важным, чтобы правоохранительные органы активно взаимодействовали с субъектами правозащитной деятельности (в том числе, адвокатами, представителями, СМИ (в той части, в какой их деятельность сопряжена с освещением общественно-значимых событий, способствующим защите прав)), поскольку такого рода взаимодействие обеспечит эффективную реализацию общеправовых задач.

При этом в контексте толкования права деятельность правоохранительных органов и субъектов правозащитной деятельности зачастую расходится (особенно в области уголовного судопроизводства), вместе с тем, такого рода «противоборство» не должно становиться конфликтующим, а, напротив, должно способствовать оздоровлению правоприменительной практики. Представляется, что данное направление и подход еще только предстоит развивать, поскольку на сегодняшнем этапе развития правовой системы России такой осознанности в области правоинтерпретационной деятельности обозначенных субъектов, в целом, не наблюдается.

С учетом изложенного, правозащитную деятельность можно определить как системную деятельность субъектов юридической деятельности (публичных

и непубличных), направленную на восстановление нарушенных прав и свобод человека и гражданина.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

На основе проведенного анализа действующего законодательства и сложившихся подходов в юридической науке по вопросам, охватывающим правотолкование и индивидуальное правовое регулирование и их влияние на правозащитную деятельность, считаем возможным прийти к следующим выводам:

1. Толкование права является важным элементом юридической деятельности, обеспечивающим воплощение правовых предписаний в соответствии с условиями реального развития правоотношений, актуальными потребностями общества и государства.

2. Толкование права и механизм индивидуального правового регулирования оказывают непосредственное влияние на правозащитную деятельность, результаты которой во многом зависят от развития правоинтерпретационных подходов (например, в области частно-правовых споров российское толкование права преимущественно направлено на обеспечение стабильности гражданского оборота, а не индивидуальных потребностей спорящих субъектов, в области же общественного регулирования, в российском варианте регулирования, предпочтение отдается государственным, а не социальным нуждам), реализуемых в соответствии с выработанными законодателем способами регулирования сфер общественных отношений.

3. Основным субъектом толкования права в российской правовой системе выступают суды судебной системы РФ. Роль судебного толкования права в России сложно переоценить, учитывая что разъяснения высших судов фактически представляют собой своего рода «продолжение нормы права», что свидетельствует о квазинормативной природе правоинтерпретационных актов высших судов в России, по сути, ставшими источниками права в современной России.

4. Институты гражданского общества в России также наряду с государственными субъектами участвуют в правоинтерпретационной деятельности, однако в сложившемся правовом контексте их участие носит «периферийный» характер, в пользу чего свидетельствует низкая вовлеченность институтов гражданского общества в законодательную политику и определение основных направлений общественной жизни и доминирующее положение государства при определении основных векторов развития российского общества.

5. Правозащитная деятельность представляет собой вид юридической деятельности, носящий многосторонний характер:

- направлена на обеспечение охраны прав, свобод и законных интересов субъектов права путем формирования и закрепления правоприменительных подходов, в выработке которых участвуют как государственные (например, суды судебной системы Российской Федерации), так и негосударственные субъекты (например, адвокатура);

- направлена на защиту прав, свобод и законных интересов субъектов права в случае их нарушения путем обеспечения как функционирования соответствующих элементов государственного аппарата, так и вовлечения в данную деятельность частных субъектов защиты, предоставляющих юридическую помощь или оказывающих юридические услуги.

- способствует «оживлению» правоинтерпретационной деятельности, поскольку в ходе рассмотрения и разрешения правовых ситуации субъекты, осуществляющие правозащитную деятельность, осмысливают нормативные предписания применительно к контексту конкретных споров и ситуаций, в ходе которых могут выявлять пробелы в правовом регулировании, которые требуют уточнения содержания правовых норм и их применения на практике, что достигается посредством их толкования.

6. В российской юридической науке не сложилось однозначного, убедительного подхода к пониманию соотношения правоохранительной и

правозащитной деятельности, которые зачастую отождествляются, что приводит усреднению роли последней.

Нами предлагается на законодательном уровне закрепить понятия правоохранительной (как деятельность специально уполномоченных государственных (негосударственных) органов (объединений), которая осуществляется путём применения мер юридического воздействия, основываясь на законе, в интересах охраны прав и интересов физических и юридических лиц, обеспечения безопасности, осуществления охраны общественного порядка и поддержания режима законности) и правозащитной деятельности (как системную деятельность субъектов юридической деятельности (публичных и непубличных), направленную на восстановление нарушенных прав и свобод человека и гражданина).

Легальное закрепление данных видов деятельности законодателем позволит обеспечить развитие законодательной политики в правоохранительной и правозащитной деятельности, определить основные принципы их осуществления государственными и негосударственными субъектами, а также позволит определить основные направления участия субъектов правоохранительной и правозащитной деятельности в толковании права.

Резюмируя вышеизложенное, полагаем, что исследование проблематики правотолкования и индивидуального правового регулирования и их влияния на правозащитную деятельность является важным направлением современной юриспруденции и заслуживает внимания ученых-правоведов.

Результаты настоящей работы, с учетом объема проанализированной судебной практики и научной литературы, могут в последующем стать основой для создания научно-практического или методического пособия по вопросам, связанным с правоинтерпретационной деятельностью отдельных властных и негосударственных субъектов толкования права при осуществлении защиты нарушенных или оспариваемых прав, а также в области обеспечения правопорядка.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Нормативные правовые акты

- 1.1. Конвенция о защите прав человека и основных свобод: заключена в г. Риме 04 ноября 1950 года // Собрание законодательства Российской Федерации. 2001. №2. ст. 163.
- 1.2. Конституция Российской Федерации // Собрании законодательства Российской Федерации. 2014. №31. ст. 4398; с учетом изменений, опубликованных на официальном интернет-портале правовой информации <http://pravo.gov.ru>, 28.06.2022.
- 1.3. «О Конституционном Суде Российской Федерации»: федеральный конституционный закон от 21.07.1994 №1-ФКЗ: по сост. на 01 декабря 2021 года // Собрание законодательства Российской Федерации. 1994. №13. ст. 1447; с учетом изменений, опубликованных на официальном интернет-портале правовой информации <http://pravo.gov.ru>, 09.11.2020.
- 1.4. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая): федеральный закон от 26 января 1996 года №14-ФЗ: по сост. на 09 марта 2021 года // Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. №5. ст. 410; с учетом изменений, опубликованных на официальном интернет-портале правовой информации <http://pravo.gov.ru>, 21.12.2021.
- 1.5. «О несостоятельности (банкротстве)»: федеральный закон от 26 октября 2002 года №127-ФЗ: по сост. на 01 октября 2020 года // Собрание законодательства Российской Федерации. 2002. №43. ст. 4190; с учетом изменений, опубликованных на официальном интернет-портале правовой информации <http://pravo.gov.ru>, 28.06.2022.
- 1.6. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации: от 14 ноября 2012 года №138-ФЗ: по сост. на 02.03.2021 // Собрание законодательства Российской Федерации. 2002. №46. ст. 4532; с учетом изменений, опубликованных на официальном интернет-портале правовой информации <http://pravo.gov.ru>, 14.07.2022.

1.7. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации: федеральный закон от 24 июля 2002 года №95-ФЗ: по сост. на 08 декабря 2020 года // Собрание законодательства Российской Федерации. 2002. №30. Ст. 3012; с учетом изменений, опубликованных на официальном интернет-портале правовой информации <http://pravo.gov.ru>, 11.06.2022.

1.8. Уголовный кодекс Российской Федерации: от 13 июня 1996 года №63-ФЗ: по сост. на 25 марта 2022 года // Собрание законодательства Российской Федерации. 1996 №25. ст. 2954; с учетом изменений, опубликованных на официальном интернет-портале правовой информации <http://pravo.gov.ru>, 24.09.2022.

1.9. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: федеральный закон от 18 декабря 2001 года №174-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2001. №52 (часть I). ст. 4921; с учетом изменений, опубликованных на официальном интернет-портале правовой информации <http://pravo.gov.ru>, 24.09.2022.

1.10. Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации: федеральный закон от 08 марта 2015 года №21-ФЗ: по сост. на 30 апреля 2021 года // Собрание законодательства Российской Федерации. 2015. №10. ст. 1391; с учетом изменений, опубликованных на официальном интернет-портале правовой информации <http://pravo.gov.ru>, 21.12.2021.

1.11. «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации»: федеральный закон от 31 мая 2002 года № 63-ФЗ по сост. на 31 июля 2020 года // Доступ из СПС «Консультант Плюс».

1.12. «О персональных данных»: федеральный закон от 27 июля 2006 года №152-ФЗ: по сост. на 02 июля 2021 года // Доступ из СПС «Консультант Плюс».

1.13. «О бесплатной юридической помощи в Российской Федерации»: федеральный закон от 21 ноября 2011 года №324-ФЗ: по сост. на 01 июля 2021 года // Собрание законодательства Российской Федерации. 2011. №48. ст. 6725;

с учетом изменений, опубликованных на официальном интернет-портале правовой информации <http://pravo.gov.ru>, 01.07.2021.

1.14. «О полиции»: федеральный закон от 07 февраля 2011 года №3-ФЗ: по сост. на 21 декабря 2021 года // Доступ из СПС «Консультант Плюс».

1.15. «О прокуратуре Российской Федерации»: федеральный закон от 17 января 1992 года №2202-1: по сост. на 01 июля 2021 года // Доступ из СПС «Консультант Плюс».

2. Научная и учебная литература

2.1. Авдеев Д.А. Уникальность менталитета российского народа и специфика современной отечественной форм правления // Традиционные национально-культурные и духовные ценности как фундамент инновационного развития России. 2010. № 1 (3). С. 3-11.

2.2. Алексеев С. С. Общая теория права. М., 1981. Т. 2. 534 с.

2.3. Алексеев С.С. Общая теория права. М., 1981. Т. 1. 523 с.

2.4. Барак А. Судейское усмотрение / пер. с англ. М., 1999. 376 с.

2.5. Березовская Е.В. Правотолкование и индивидуальное правовое регулирование: дисс. канд. юрид. Наук / Казанский государственный университет им. В.И. Ульянова-Ленина. Казань, 2005. 293 с.

2.6. Братко А.Г. Правоохранительная система: Вопросы теории: автореф. дис. ... д-ра юрид.наук. М., 1992. 35 с.

2.7. Гаврилов Э.П. Комментарий к Закону об авторском праве и смежном правах. М., 1996. 489 с.

2.8. Гадамер Х.-Г. Актуальность прекрасного. М., 1991. С. 368.

2.9. Головкин Р.Б. Актуальные проблемы теории правового регулирования: учебное пособие для вузов/ Р.Б. Головкин, Ю.П. Колесникова, О.Д. Третьякова. 2-е изд. Москва: Издательство Юрайт, 2022. 305 с.// Образовательная платформа Юрайт [сайт]. URL: <https://urait.ru/bcode/496100/p.2> (дата обращения: 01.10.2022).

2.10. Григорьев А.С. Механизм индивидуального правового регулирования общественных отношений: дисс. ... канд. юрид. наук: 12.00.01, 2011. 185 с.

- 2.11. Григорьев А.С. Стадии индивидуального правового регулирования // Евразийский юридический журнал. 2017. № 9 (112). С. 92-93.
- 2.12. Еропкин М. И. Управление в области охраны общественного порядка. М., 1951. 215 с.
- 2.13. Карбонье Ж. Юридическая социология. М.: Прогресс, 1980. 352 с.
- 2.14. Кашковский В.С. Юридическая помощь как правовая категория и социально-правовое явление: вопросы теории и практики: дис. ... канд. юрид. наук. Тамбов, 2009. 200 с.
- 2.15. Кузакбирдиев С.С., Романова Ю.С., Устюгова А.О. К вопросу о соотношении правотворчества и официального аутентичного толкования норм права // Академический вестник. 2011. № 3(17). С. 60-65.
- 2.16. Кучин М.В. Судебное толкование или судебное нормотворчество? // Электронное приложение к Российскому юридическому журналу. 2017. № 3. С. 20-35.
- 2.17. Лазарев В.В. Теория государства и права: учебник для вузов / В.В. Лазарев, С.В. Липень. 5-е изд., испр. и доп. Москва: Издательство Юрайт, 2022. 521 с. // Образовательная платформа Юрайт [сайт]. URL: <https://urait.ru/bcode/488631/p.2> (дата обращения: 01.10.2022).
- 2.18. Лапшина О.С. О соотношении охранительной функции права и правоохранительной функции государства // Вестник Самарской государственной академии. Серия «Право». 2008. № 2 (4). С. 51-55.
- 2.19. Малеин Н.С. Охрана прав личности советским законодательством. М., 1985. 128 с.
- 2.20. Малинова И.П. Философия права и юридическая герменевтика: монография / И. П. Малинова. Москва: Норма: ИНФРА М, 2020. 176 с.
- 2.21. Малинова И.П. Философия права: учебник / И. П. Малинова. Москва: Норма: ИНФРА-М, 2020. 176 с.
- 2.22. Марченко М.Н. Проблемы теории государства и права: Учебное пособие / Под ред. М.Н. Марченко. М.: Юрист, 2001. 656 с.

- 2.23. Матейкович М.С. Реализация конституционных норм и защита прав человека в отечественном уголовном судопроизводстве // Журнал российского права. 2018. №5 (257). С. 26-35.
- 2.24. Матузов Н.И. Правовая система и личность. Саратов, 1987. 214 с.
- 2.25. Минникес И.А. Развитие теории толкования права в западноевропейской юриспруденции // Академический юридический журнал. 2022. Т. 23. № 2 (88). С. 109-116.
- 2.26. Нарутто С. В. Конституционный судебный процесс: учебник / С. В. Нарутто, С. Э. Несмеянова, Е.С. Шугрина. М.: Норма, 2016. 432 с.
- 2.27. Новгородцев П.И. Историческая школа юристов, ее происхождение и судьба. М., 1896. С. 20.
- 2.28. Общая теория права и государства: учебник / В. С. Нерсесянц. Москва: Норма: ИНФРА-М, 2021. 560 с.
- 2.29. Певцова Е.А., Соколов Н.Я. Профессиональное суждение юристов о проблемах правоприменения // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Юриспруденция. 2018. № 1. С. 19-32.
- 2.30. Петрушев В. А. Толкование права Конституционным Судом Российской Федерации // Академический юридический журнал. 2003. № 4. С. 41-50.
- 2.31. Проблемы теории государства и права: учебник / под ред. Н. А. Власенко. Москва : Норма : ИНФРА-М, 2021. 544 с
- 2.32. Протасов В.Н. Теория права и государства: учебное пособие для среднего профессионального образования / В. Н. Протасов. 5-е изд., перераб. и доп. Москва: Издательство Юрайт, 2022. 192 с. // Образовательная платформа Юрайт [сайт]. с. 2 URL: <https://urait.ru/bcode/492576/p.2> (дата обращения: 01.10.2022).
- 2.33. Пухта Г.Ф. Энциклопедия права. Ярославль, 1872. 99 с.
- 2.34. Редько А.А. Правозащитная политика и правоприменительная деятельность в Российской Федерации: учебное пособие для вузов / А.А. Редько, Т.В. Яловенко. Москва: Издательство Юрайт, 2022. 76 с. //

Образовательная платформа Юрайт [сайт]. URL: <https://urait.ru/bcode/497300/p.2> (дата обращения: 01.10.2022).

2.35. Резник Г.М. К вопросу о конституционном содержании понятия «квалифицированная юридическая помощь» // Адвокат. 2007. №4. С. 25-27.

2.36. Рубанцова Т.А. Толкование права как условие правореализации // Гуманитарный научный вестник. 2021. № 6. С. 212-216.

2.37. Сергеев Д.В. О понятии толкования норм права и его результатов в отечественной доктрине // Право и государство: теория и практика. 2020. № 1 (181). С. 253-254.

2.38. Степин А.Б. Индивидуальное судебное регулирование в правовой системе Российской Федерации // Российский судья. 2017. №7. С. 10-14.

2.39. Талыкин Е.А. Место индивидуального правового регулирования в системе правового регулирования рассмотрения и разрешения споров // Вестник Луганской академии внутренних дел имени Э.А. Дидоренко. 2021. № 2 (11). С. 63-74.

2.40. Тарасов А.Н. Эволюция современных взглядов на толкование права // Экономика. Бизнес. Финансы. 2019. № 3. С. 27-30.

2.41. Теория государства и права: учебник / Л. А. Морозова. 4-е изд., перераб. и доп. Москва: Эксмо, 2010. 510 с.

2.42. Чекулаев С. С. Судебное толкование нормативно-правовых актов: гражданско-правовой аспект / С. С. Чекулаев, Д. А. Колотенко // Аллея науки. 2017. Т. 2. № 14. С. 356–360.

2.43. Шустров Д.Г. Понятие толкования в конституционном праве // Вестник Московского университета. Серия 11: Право. 2020. № 1. С. 61-85.

3. Судебная практика

3.1. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 5 февраля 2007 года №2-П // Вестник Конституционного Суда Российской Федерации. №3. 2007.

- 3.2. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 26 февраля 2010 года №4-П // Вестник Конституционного Суда Российской Федерации. №3. 2010.
- 3.3. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 14 февраля 2002 года №4-П // Вестник Конституционного Суда Российской Федерации. №3. 2002.
- 3.4. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 16 июля 2004 года №15-П // Вестник Конституционного Суда Российской Федерации. №6. 2004.
- 3.5. Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 23.12.2021 №46 «О применении Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации при рассмотрении дел в суде первой инстанции» // Документ опубликован не был. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
- 3.6. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 13.10.2020 №23 «О практике рассмотрения судами гражданского иска по уголовному делу» // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. №12. 2020.
- 3.7. Постановление Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 31.10.1996 №13 «О применении Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации при рассмотрении дел в суде первой инстанции»
- 3.8. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 25 декабря 2018 года №49 «О некоторых вопросах применения общих положений Гражданского кодекса Российской Федерации о заключении и толковании договора» // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2019. №2.
- 3.9. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 06.08.2018 №308-ЭС17-6757(2,3) по делу №А22-941/2006 // Документ опубликован не был. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

3.10. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 03.07.2020 №305-ЭС19-17007(2) по делу №А40-203647/2015 // Документ опубликован не был. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

3.11. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации № 306-ЭС20-16785 (1,2) от 11.03.2021 по делу № А65-6755/2017 // Документ опубликован не был. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

3.12. Определение судебной коллегии по гражданским делам Седьмого кассационного суда общей юрисдикции от 23.11.2021 по делу № 88-17628/2021 // Доступ из СПС «Консультант Плюс».

3.13. Определение судебной коллегии по гражданским делам Седьмого кассационного суда общей юрисдикции от 29.06.2021 по делу № 88-10132/2021 // Официальный сайт Седьмого кассационного суда общей юрисдикции [сайт]. URL:

https://7kas.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=9475126&delo_id=2800001&new=2800001&text_number=1 (дата обращения: 25.12.2021).

3.14. Апелляционное определение судебной коллегии по гражданским делам Тюменского областного суда от 29.03.2021 по гражданскому делу №33-1660/2021 // Официальный сайт Тюменского областного суда [сайт]. URL: <https://oblsud-->

[tum.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=837342&delo_id=5&new=5&text_number=1](https://oblsud--tum.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=837342&delo_id=5&new=5&text_number=1) (дата обращения: 25.12.2021).

3.15. Решение Тюменского районного суда Тюменской области от 05.11.2020 по гражданскому делу №2-446/2020 // Официальный сайт Тюменского районного суда Тюменской области [сайт]. URL: https://tumensky--tum.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=127070726&delo_id=1540005&new=0&text_number=1 (дата обращения: 25.12.2021).

4. Решения Европейского Суда по правам человека

4.1. Judgment of the European Court of Human Rights case of Waite and Kennedy v. Germany 18 February 1999 (application no. 26083/94) [Электронный ресурс] // European Court of Human Rights [сайт]. URL: <https://hudoc.echr.coe.int/rus?i=001-58912> (дата обращения: 11.01.2022).

4.2. Judgment of the European Court of Human Rights case of Pravednaya v. Russia 18 November 2004 (application no. 69529/01) [Электронный ресурс] // European Court of Human Rights [сайт]. URL: <https://hudoc.echr.coe.int/rus?i=001-67506> (дата обращения: 10.01.2022).

4.3. Judgment of the European Court of Human Rights case of Nelyubin v. Russia 2 November 2006 (application no. 14502/04) [Электронный ресурс] // European Court of Human Rights [сайт]. URL: <https://hudoc.echr.coe.int/rus?i=001-77827> (дата обращения: 11.01.2022).

4.4. Judgment of the European Court of Human Rights case of Vedernikova v. Russia 12 July 2007 application no. 25580/02) [Электронный ресурс] // European Court of Human Rights [сайт]. URL: <https://hudoc.echr.coe.int/rus?i=001-81612> (дата обращения: 10.01.2022).

4.5. Judgment of the European Court of Human Rights case of Sutyazhnik v. Russia 23 July 2009 (application no. 8269/02) [Электронный ресурс] // European Court of Human Rights [сайт]. URL: <https://hudoc.echr.coe.int/rus?i=001-93775> (дата обращения: 13.01.2022).

5. Электронные ресурсы

5.1. Данные судебной статистики [Электронный ресурс] // Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации [сайт]. URL: <http://www.cdcr.ru/index.php?id=79> (дата обращения 29.12.2021).

5.2. European Court of Human Rights [Электронный ресурс]. URL: <https://www.echr.coe.int/Pages/home.aspx?p=home> (дата обращения: 10.01.2022).